

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Денис Бурмистров

**ПРИНУЖДЕНИЕ
К КОНТАКТУ**

Денис Евгеньевич Бурмистров
Принуждение к контакту
Серия «Пикник на обочине»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6690421
Денис Бурмистров. Принуждение к контакту: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083657-4*

Аннотация

Вертолет спасательной службы Института внеземных культур терпит крушение над Новосибирской Зоной Посещения. Нет связи, нет провизии, нет медикаментов.

Вокруг – Зона. Смерть, поджидающая на каждом шагу.

«Порченная» земля, смертельно опасные аномалии, «черные» сталкеры и загадочные люди в форме, готовые убить первого встречного.

Теперь пилоту Руслану Громову придется доказать, что из любого правила есть исключения.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	12
3	16
4	24
5	26
6	31
7	34
8	44
9	48
10	56
11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Денис Бурмистров

Принуждение к контакту

Пролог

– Спасибо Анастасии за интересный рассказ о встрече с неведомым. Давайте проводим ее аплодисментами. А я напоминаю, тема нашей передачи: «Это место меня убивает». И следующий гость в студии – руководитель отдела исследований физико-химических процессов Новосибирского филиала Международного института внеземных культур профессор Андрей Владимирович Сидоренко.

– Добрый вечер.

– Здравствуйте, Андрей Владимирович. Как давно вы занимаетесь исследованиями Новосибирской Зоны Посещения?

– Больше двадцати лет.

– Мы сегодня слышали много историй о всевозможных гиблых местах. Чем Зоны Посещений отличаются от них, на ваш взгляд?

– Тем, что они реально существуют.

– За почти пятидесятилетний период с момента «инцидента Пильмана», со дня образования аномальных территорий, наука мало продвинулась в объяснении их природы. Есть новые версии?

– Нам хватает рабочей теории о внеземном происхождении. Иных разумных объяснений нам, увы, найти пока не удалось.

– Чем отличается Новосибирская Зона от, скажем, африканской или канадской?

– Каждая Зона по-своему уникальна. В большой степени благодаря климатическим и геологическим условиям. Однако найденные внеземные материалы, в просторечии артефакты, в большинстве своем аналогичны, что позволяет нашему институту проводить комплексные эксперименты сразу в нескольких лабораториях в разных странах мира.

– Про Зоны снято много фильмов, написано множество книг и статей. Насколько они соответствуют действительности? Насколько Зоны опасны?

– Чрезвычайно опасны даже для подготовленного человека. Мы, живущие с Зоной бок о бок, и то вынуждены проводить большинство изыскания за пределами охраняемого периметра. Длительное пребывание в Зоне может привести к крайне плачевному результату. Что же до фантастических книг и фильмов – простите, не интересуюсь.

– Часто люди погибают в Новосибирской Зоне?

– Извините, я не хочу отвечать на этот вопрос.

– Правда, что в рабочем ареале Зоны, в Искитиме, да и в самом Новосибирске, нередки случаи мутации? У нас есть материал журналиста Ольги Соловьевой, рассказывающий о детях-дифферентах, которые насильно помещаются в закрытые интернаты. Что вам об этом известно?

– Проблемы мутации имеют место быть, с ними разбираются в медицинских центрах. Насколько я знаю, все дети с признаками болезни Руффа проходят курс лечения добровольно.

– Наши специалисты подсчитали, что за последние годы площадь Зон Посещения значительно увеличилась. Какую угрозу несет такой неконтролируемый рост?

– Зоны действительно склонны к увеличению, но не настолько пугающими темпами, как принято считать. Нам пока не о чем беспокоиться.

– Профессор, что на самом деле происходит в Зоне?

– Что происходит? На данной стадии – ровным счетом ничего интересного для простого обывателя. Это как с химическими процессами на Солнце – они чрезвычайно любопытны для науки, но малопонятны и малозначимы для большинства людей. Так и у нас – ежедневные будни. Увы, иногда они сопряжены с необходимыми трудовыми подвигами, но без них пока никуда. Как и без людей, готовых пожертвовать всем ради разгадки величайшей тайны, коей являются Зоны Посещения.

Отрывок из ток-шоу

«Принесенное ветром», октябрь, 2009 год

1

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

**Вертолетная площадка испытательного полигона
Международного института внеземных культур,
г. Искитим Новосибирской области**

10 июля 2016 года

Вертолет легко набирал высоту, еле ощутимо вибрируя под встречным потоком воздуха. Морозящий дождь разбивался о прозрачную плексигласовую полусферу, широкие дворники сметали жидкие кляксы под ножи холодного ветра.

– Спасатель-два, спасатель-два! Ответьте диспетчеру! – запоздало ожил голос в наушниках.

Олег Рязанцев с укором посмотрел на своего командира, мол, я же предупреждал. Руслан Громов лишь хмуро покачал головой, жестом указал продолжать движение. Сам повернулся к боковому окну, где за зыбкой рябью дождя виднелись бетонные корпуса института с пульсирующей алой лампой радиовышки.

– Спасатель-два на связи! – отозвался он.

– Кто давал разрешение на взлет, спасатель-два? Немедленно меняйте курс и возвращайтесь на площадку.

– Я же говорил, что ничего не получится, – прикрыв ладонью микрофон, прокомментировал Рязанцев.

– У нас чрезвычайная ситуация, – спокойным голосом сказал Руслан диспетчеру. – Требуется срочная эвакуация из Зоны.

– Вы нарушаете инструкции, спасатель-два, – повысил голос собеседник. – До особого указания все вылеты в Зону запрещены. Немедленно возвращайтесь, или я буду вынужден доложить рапортом. Вас отстранят от должности.

Руслан поймал на себе испуганный взгляд второго пилота. Вполголоса чертыхнулся – сегодня в диспетчерской смена Шнайдера. А этого не уговорить, не пронять. Он, с присутствием немцам формализмом, будет держаться правил и инструкций, в случае необходимости доведет угрозы до логического конца.

Но, когда Рязанцев, посчитавший краткое молчание командира сигналом к возвращению, попытался изменить курс, Громов взял управление на себя и твердой рукой повел машину на северо-запад.

– Спасатель-два, спасатель-два!

Маневр не остался незамеченным.

– Может, выключим рацию? – предложил Олег, кисло ухмыляясь. – Скажем, что сломалась, что не расслышали...

Из салона, отодвинув брезентовую шторку, появился всклокоченный мужчина в наспех надетом защитном костюме без шлема. Короткая борода по институтской моде, острый нос, высокий лоб. Серое лицо с напряженной гримасой душевной боли.

– Дай мне! – Не церемонясь, он схватил висящую на пустующем кресле гарнитуру третьего пилота, нахлобучив объемные наушники на голову. И сразу же заговорил, яростно и жарко:

– Михаэль! Это Илья! Илья Ткачев! У меня жена на объекте! Слышишь? Полина в беду попала!

В ответ Шнайдер выругался по-немецки.

Ученый нервно дернул длинный шнур за собой, скрылся в салоне, доказывая и умоляя. Руслан ткнул набычившегося Олега в бок, указал отключить наушники. Первым сдвинул тугой переключатель на шлеме. Наклонился к товарищу.

– Если уж у него не выйдет уломать Шнайдера, то у нас точно не получится.

Рязанцев лишь качнул головой, уставившись вперед.

Вертолет уверенно отдалялся прочь от похожего на вытянутый крест здания испытательного полигона Международного института внеземных культур, прочь от готовящегося к пятничному вечеру Искитима.

– Будем заходить со стороны Черной, – дал команду Руслан. – Над железкой не пойдем, там статика на рельсах наблюдается.

– Логично, – буркнул Рязанцев. – Куда хоть примерно летим-то?

– В район Маяка, – отозвался Громов, отвернувшись к приборам.

– Это под самым Бердском? Хреново, – протянул второй пилот. – Блин, еще и Зона сегодня как назло «дышит».

Руслан промолчал. Он и сам знал, что «хреново». Когда Зону лихорадит, за периметр не то что по воздуху, по земле соваться нельзя. Но разве мог он поступить по-иному? Разве мог отказать другу в такой просьбе?

Под ногами, за толстым смотровым стеклом, пронеслись крыши приземистых домиков «карантинного» района. Последних жителей выселили отсюда в начале девяностых, аккуратно после Расширения 1991 года – тогда административных ресурсов еще хватало. С тех пор типовые блочные пятиэтажки неумолимо зарастали густой зеленью, с которой лениво пытались бороться городские службы. Их сил хватало на то, чтобы раз в год спиливать верхушки особенно наглых деревьев да вывозить скопившийся на улицах мусор. Редкие полицейские патрули гоняли из пустых домов алкашей и молодежь. Совсем редко заезжали сюда представители администрации, так сказать, «с инспекцией».

Ходили слухи, что ночами из «карантинного» можно было услышать страшные крики и стоны тех, кто сгинул во время Посещения. Гулять по этим улочкам после наступления темноты считалось верхом безрассудства.

Впрочем, по мнению Руслана, обычные городские байки. Ночами в квартале дежурили наряды полиции, многие срезали через темные дворы дорогу к месту работы – и ничего, никакой чертовщины. На самом деле пустующие кварталы больше раздражали местных жителей, чем пугали. Для них сама Зона стала обыденностью и уж точно менее значимым фактором, чем отсутствие горячей воды или света.

Громов взял левее, направляя вертолет в сторону цементного завода, от которого на север убегала железнодорожная ветка. С высоты было видно, как дорогу и территорию завода пересекает высокая бетонная стена с блестящей бахромой колючей проволоки.

Периметр. Впопыхах возведенный, не везде настолько монолитный. Строительство начали два года назад, после того как Зона «скакнула» и отхарчила старые границы да еще и пару километров в придачу.

В принципе, от института можно было сразу махнуть «на ту сторону», но Громов лишней раз старался не рисковать. Если часть пути можно преодолеть безопасно, то лучше так и поступить.

– Как пить дать к Разуваеву потащит, – сокрушенно сказал Олег.

– Ты о ком?

– О Шнайдере, о ком же еще!

– Вали все на меня, – успокоил его Руслан. – Скажи, что я тебе приказал. К тому же это почти правда.

– Да не в этом дело, – отмахнулся пилот. – Отбрехаться найду чем. Просто не люблю без особой нужды к безопасникам наведываться. Каждый раз так смотрят, будто я из рейсов килограммами неучтенку вожу и налево толкаю.

– А ты возишь? – насмешливо покосился на него Громов.

– Боже упаси! Я этой заразы больше смерти боюсь!

– Вот и не нервничай... Внимание, подходим к периметру. Давай связь.

Рязанцев щелкнул тумблером, и в эфир ворвался автоматический сигнал предупреждения, транслируемый круглые сутки. Бесполой механический голос монотонно вещал:

– «Внимание! Вы приближаетесь к закрытой территории! Несанкционированный допуск запрещен. Немедленно идентифицируйте себя по закрытому каналу либо поворачивайте назад. В противном случае по вам может быть открыт огонь на поражение. Повторяю...»

– Мирный! Мирный! Я спасатель-два! – вызвал военных Громов, немного сбросив обороты и замедляя движение вертолета.

– Интересно, им уже позвонили? – под руку бросил Рязанцев, и Руслан недовольно зыркнул на него.

– Мирный на связи, спасатель-два! – раздался хриплый мужской голос. – Какова цель вылета?

– Поисково-спасательная, – ответил Руслан. И добавил: – Дневной пароль – три-три-пять-два.

– Принято, спасатель-два. Открываю коридор. Удачи.

– Спасибо.

Громов кивнул Рязанцеву, чтобы тот принял координаты воздушного коридора, который ооновцы предоставили для пролета над периметром.

Иные многое бы отдали, чтобы так легко проникать в Зону. В давние времена, когда местный филиал института курировался военными, сформировалась целая бюрократическая система получения допусков и справок. Отчасти она была оправданна, но в определенные моменты откровенно мешала. Например, когда появлялась срочная необходимость попасть «на ту сторону» гражданским.

Примерно с середины девяностых охраной Новосибирской Зоны, сменив внутренние войска, занялись силы Объединенных Наций. «Синие каски» почти не поменяли правила допуска, однако ученым с ними было договориться проще – официально институт действовал в рамках международного соглашения, то есть, формально, теперь военные подчинялись требованиям ученых, а не наоборот.

Впрочем, на деле все было несколько сложнее.

– Допуск дали? – В кабине, откинув полог, появился Ткачев.

– Дали, – ответил Рязанцев. – Заходим на коридор.

– Давайте, родные, быстрее! – Ученый нервно забарабанил пальцами по стенке. – Каждая секунда дорога!

– Мы стараемся, Илья, – успокоил друга Руслан. – Ты лучше пока иди в салон, сядь и пристегнись.

– Да не могу я... – Ученый не договорил, махнул рукой. Подался вперед, пролезая в кабину, плюхнулся в кресло третьего пилота. Звонко щелкнул карабинами ремней.

– Внимание, – объявил Громов. – Мы над периметром. Пять секунд до рубежа.

Желто-красный вертолет КА-32 тяжелым шмелем пролетел над широкой дорогой, упирающейся в глухой забор с предупреждающими знаками. За забором – узкая бетонированная полоска земли с торчащими усиками датчиков и сигнальными лампами.

– Боже, спаси и сохрани, – дотронулся до невидимого под комбинезоном крестика Рязанцев.

Внизу проплыл высокий, в несколько метров шириной, с буграми охранных вышек и спиралями колючей проволоки забор внешнего периметра.

Все. Граница пройдена.

– Всем – предельное внимание, – дежурно напомнил Громов. – О подозрительном докладывать сразу. Олег, сверяй маршрут с картой ловушек. Сделаем все правильно – вернемся живыми.

А сам ощутил в груди неприятную, предательскую дрожь. Как перед первым своим полетом, в учебке. Только здесь такое чувство возникало каждый раз.

Перед ними простиралась многокилометровая Зона. Внешне ничем не отличающаяся от местности по ту сторону забора – такая же густая щетина лесов, рубленые квадраты полей, сельские домики и коровники. Вон карьер, коих в окрестности Искитима несколько штук. Над ним застыл, опустив громадный ковш, экскаватор на широких гусеницах. Рядом – пара строительных «кунгов» с беседкой, несколько самосвалов и разобранный грузовик без колес. А вот и речка Черная, бегущая вдоль забора.

Обычный пейзаж, обычные предметы. Но, как говорится, все дело в начинке.

– Они точно у Маяка? – Рязанцев повернулся к ученому, который нетерпеливо теребил кончик ремня безопасности.

– Точно, – кивнул тот. – Они с Сидоренко там эксперимент готовили. Вчера на «калоше» группа ушла.

– А с чего ты взял, что что-то произошло?

Ткачев дернул щекой, резко ответил:

– Да потому что на связь не выходят! И сигнал «калоши» не отслеживается!

– Ну связь тут вечно барахлит, – не сдавался Олег. Видимо, он все еще не терял надежды прервать полет. – Особенно возле Маяка. Вон на прошлой неделе...

– С ними что-то произошло! – отрезал Илья, стукнув кулаком по подлокотнику. – Перед тем как пропасть, «калоша» передала информацию о резком сходе с маршрута!

Рязанцев тут же заткнулся, хлопая глазами.

– Олег, смотри вперед, – скомандовал Руслан, бросая на товарищей быстрый взгляд. – Следи за приборами.

Если «калоша» сходит с маршрута – это значит, что произошло какое-то ЧП. А любое ЧП в Зоне – это очень плохо.

«Калошами» назывались институтские гравиплатформы, служащие для передвижений по аномальной территории. Эти летающие машины, в технологии которых использовались найденные в Зоне артефакты, некогда представляли собой куцый корпус, похожий на увеличенную детскую машину. Или на калошу, в честь чего и получили свое второе имя. Нынешние «калоши» выглядели более обтекаемо, походили на пластиковые капсулы и могли тащить до двух прицепов-вагончиков, в которые умещались целые лаборатории. При необходимости головной вагон мог отцепить «балласт» и двигаться дальше самостоятельно. В целях безопасности «калоши» двигались вдоль заранее проложенных маршрутов, обозначенных высокими столбами-«вешками». Эти маршруты искали специально создаваемые команды из числа сотрудников института, они же выставляли «вешки». Работа была тяжелой и кропотливой, но иного способа быстро и относительно безопасно передвигаться по Зоне не существовало. Впрочем, аварии случались и на этих тропах. На памяти Громова подобное происходило дважды, и в обоих случаях были жертвы. Потому Руслан вполне понимал и разделял беспокойство Ильи за Полину.

– Ветер усиливается, – сообщил Рязанцев. – Через пятьсот метров будет «воронка», смотри, чтобы не снесло.

Громов кивнул. Он и сам почувствовал, как упруго задергался рычаг управления, как изменили «голоса» турбины. Из низких серых туч над головой, напоминающих каменистый

скандинавский пейзаж, хлестал уже не дождь – ливень. Стремительно темнело. Если так пойдет, то скоро придется лететь по приборам. А по приборам в Зоне никто не летает, приборы в Зоне безбожно врут.

Руслан сдержанно ругнулся, замечая, как неестественно начал закручиваться авиагоризонт.

– Вон там! – вскрикнул Илья, перегибаясь через ремни безопасности и тыкая пальцем вниз. – Пятая тропа!

Действительно, недалеко от кромки леса, по пологой насыпи, тянулся пунктир из вешек.

Громов направил вертолет к вешкам, включил прожектор. Луч света еле пробивался сквозь падающую с неба воду, бледное пятно металось по мокрым кустам и кронам деревьев.

– Правее «воронка», двести, – предупредил Рязанцев.

Руслан не мог не кинуть взгляд на явление, погубившее когда-то несколько летных экипажей.

Дождевые капли, падающие над неприметным оврагом, подхватывались незримой силой и со страшной скоростью раскручивались, образуя почти слитные кольца. Кольца медленно сжимались и в самом центре ловушки обрушивались вниз, врезаясь в фонтанирующую грязью землю.

Зрелище было пугающим и одновременно завораживающим.

Вертолет заметно качнуло, словно кто-то мягко боднул в левый борт, подталкивая к «воронке». Илья охнул, Рязанцев выматерился. Громов с усилием вернул машину на прежний курс.

Зона «дышала». Руслан не знал, как это называлось «по науке», но слышал, что это как-то связано с недавним ростом территории Посещения. «Дыхание» началось за несколько месяцев до «скачка», учащалось и учащалось, пока в один день Зона не «скакнула» сразу во все стороны, подминая новые земли. А теперь все медленно успокаивалось, эти пространственные судороги появлялись все реже и реже. Так совпало, что как раз сегодня Зона решила «всхлипнуть». А это значит, что в любой момент может поменяться направление ветра, плотность воздуха, погода, магнитные меридианы и еще черт знает что.

Словно подтверждая опасения Руслана, где-то в глубине туч пророкотал гром.

Некоторое время кружили над лесом, медленно сдвигаясь вдоль тропы. Нельзя было исключать, что «калоша» застряла на обратном пути.

Ничего не нашли.

Пару раз пролетели над придорожной деревенькой с развалившимися бревенчатыми домиками.

Тоже безрезультатно.

Громов начал забирать севернее, ближе к поселку Маяк. В хорошую погоду отсюда уже можно было разглядеть заброшенный Бердск, а то и таящий в дымке над Обским морем Новосибирск.

– Опустись пониже, Рус! – крикнул напряженно всматривающийся в дождливую серость Ткачев. – Ничего не видно.

– Ниже нельзя, – возразил Рязанцев. – Нас с земли чем-нибудь достать может.

– Но ведь ничего не видно! Руслан! – взмолился ученый.

Надвигающаяся ночь черным рукавом накрывала все, что не попадало в луч прожектора. Пролетающий сквозь свет дождь создавал обманчивые тени, от них рябило в глазах и терялось ощущение высоты. Еще немного – и они могут попросту пролететь мимо «калоши», банально не заметив ее.

Если бы рядом сидел не Илья, а искали бы не Полину, Руслан повернул бы назад. Нельзя, категорически нельзя настолько пренебрегать мерами безопасности. Если они рух-

нут и разобьются, то уже никому не помогут. Только вот не мог он так поступить с лучшим другом. Не мог наплевать и развернуть машину. Страшнее Зоны сейчас была мысль о том, что потом придется смотреть Илье в глаза.

И Громов пошел вниз, чувствуя, как по лбу скатывается холодный пот.

В свете прожектора замелькала земля, мокрые горбы примятой травы, темные фигуры деревьев. Яркая вспышка осветила местность. Ветвистая молния расчертила небо, вспарывая тучи.

– Надо улетать, Руслан! – не выдержал Олег. – Это же самоубийство!

– Еще чуть-чуть, почти долетели до Маяка! – Ученый с отчаянием в голосе схватился за рукав Громова. – Осталась пара километров!

– Руслан, поиск в таких условиях не имеет смысла!

– Высадите меня, я один пойду!

Свет прожектора на краткий миг уперся в выпуклый бок вагона с эмблемой института, подмявший под себя поваленное с корнем дерево. Мазнул и ушел дальше.

Громов рванул рычаг, закладывая вираж.

Порывы ветра яростно подхватили машину, потащили прочь. Жалобно захрустела хвостовая балка, истерично взвизгнули турбины.

– Давай вместе! – заревел Громов, двумя руками ухватившись за бьющийся, как пойманная рыба, рычаг управления. Его движения повторял Рязанцев, помогая дублирующими устройствами.

– Ты что-то видел? – Илья почти вскочил с места, но Громов лишь огрызнулся.

Исходя потом, учащенно дыша, пилоты повернули вертолет, пошли на второй круг. В свете очередной молнии они увидели поваленные вешки, торчащие в разные стороны. В нескольких метрах от них, в глубокой канаве, лежали разорванные неизвестной силой вагоны. Один из них валялся в стороне – именно его и заметил Руслан.

Головного вагона видно не было. Как и ученых, живых или мертвых.

– Пролети еще раз, – Илья буквально прилип к окну. – Я, кажется, заметил...

Что-то рванулось от земли к вертолету, стремительно, прицельно. Страшный удар подкинул машину вверх, развернул. Отчаянно завывала аварийная сигнализация.

Дальше Руслан действовал по наитию, полностью отдавшись инстинктам. Он потащил на себя рычаг, вытаскивая вертолет из заваливания на винты. Почти выровнял горизонт, холодея, слушал, как стучит хвостовой винт. Прожектор перестал работать, в кабину ворвалась чернота, разбавленная мерцанием бесполезных приборов.

– Где земля, Олег? – заорал Руслан. – Я не вижу землю!

– Твою мать! – скрежетал зубами Рязанцев. – Твою мать!

Вертолет тащило куда-то в сторону, все силы уходили на то, чтобы удержать его в воздухе. В кабине едко запахло проводкой, вспышки алых огней на панели сводили с ума.

– Вытянем, – повторял вслух Громов. – Вытянем и сядем.

Молния, похожая на хищный трезубец Нептуна, прошла небо и вонзилась прямо в винтокрылую машину, покрывая корпус сетью танцующих искр. Двигатель охнул и заглох, разом погасли все приборы.

Вертолет по дуге врезался в деревья. Разбрасывая поломанные лопасти, перевернулся. Ударился о вершину небольшого холма, срезал верхушку. Оставляя глубокую канаву, покатился вниз, подпрыгивая на кочках. Наконец мятая и дымящаяся кабина влетела в болото, подняв фонтан брызг.

2

Василий Гуреев, боец отряда особого назначения

Территория отчуждения, полоса вдоль внутреннего периметра Новосибирской аномальной Зоны

14 июля 2016 года

Вторая группа продвигалась гуськом вдоль осыпающегося бетонного забора, чуть слышно бряцая амуницией и броней. По левую руку от бойцов, между забором и корпусом заброшенного пионерского лагеря, тянулось небольшое маковое поле. Необычно крупные алые листья обрамляли тугие маковки, волнами вальсировали под дуновением ветра. Зрелище было красивым и завораживающим, особенно под яркими лучами полуденного солнца.

Жаль, что скоро все здесь предстоит сжечь.

Группа шла вдоль плантации оперативно, стараясь по полной реализовать эффект внезапности. Они удачно ликвидировали двух «крикунов», прежде чем те успели запустить предупредительные о приходе силовиков сигнальные ракеты, и потому пока что не встретили вооруженного сопротивления. Впрочем, не стоило расслабляться – наркоторговцы цепко держались за свои участки и не желали сдаваться без боя.

Двигаясь в тени забора, бойцы отряда особого назначения ограниченного контингента ООН приближались к серому кирпичному зданию с покатою шиферной крышей, где когда-то располагалась администрация пионерского лагеря «Метеор».

– Первая группа на месте, – сообщил голос в наушнике.

– Ждем общего сигнала, – откликнулся «Бункер». – Вторая, живее!

– Принято, – отозвался Василий Гуреев, командир второй группы. Он хлопнул затянутой в перчатку ладонью по плечу идущего впереди Мамай, прошептал:

– Костя, шире шаг.

Внушительных размеров Мамай удобнее перехватил тяжелый штурмовой щит, кивнул кажущейся огромной из-за шлема головой и ускорился. За ним двинулись Гуреев и замыкающий Попов.

Забор закончился поваленными в высокую траву секциями. Дальше размещалась небрежно сколоченная хибара, выстроенная, судя по всему, совсем недавно. Перед ней, возле большого грязного чана для варки раствора, сидел на корточках тощий мужик в одних спортивных штанах и шлепках. Руки, от плеча и до пальцев, покрывали выгоревшие наколки, в пальцах он крутил дешевые пластиковые четки.

Группа остановилась, попятилась за забор. Мамай глухо спросил сквозь забрало:

– Раб?

– Не похоже, уж больно расслабленный, – прокомментировал Василий, выглядывая из-за угла. – Нам его не обойти, надо по-тихому снять.

– Понял. Давай.

Гуреев закинул автомат за спину, выудил из кармана разгрузочного жилета небольшую рогатку и стальной шарик от крупного подшипника. Прикинул расстояние, вложил шарик в кожаную петлю и, вытянув тугую резину, послал снаряд в полет.

Щелчок резинки, стремительный полет и глухой звук удара. Мужик безвольной тушей повалился вперед, нелепо выпятив задницу.

– Чисто. Быстро вяжем этого и идем дальше, – скомандовал Василий.

Наконец группа оказалась в нужной точке, за высоким бортом поваленного на бок прицепа. Гуреев положил автомат на сгиб локтя, тронул танкету рации.

– Вторая группа на позиции.

– Принято, – тут же отозвался «Бункер». – Первая готова?

– Готова, – откликнулся сидящий по ту сторону здания Марат.

– Тогда напоминаю, – раздался в наушнике будничным голос координатора операции, находящегося в стоявшей за периметром штабной машине. – Бастрюкова берем по возможности живым, остальных – по ситуации. В остальном все как всегда, действуем по алгоритму. Сигнал к атаке – взрыв «зари» Алтынова. С Богом.

Гуреев перехватил оружие удобнее, дал команду своей группе занять исходные позиции. Впрочем, это было излишне – ребята и без того знали что делать.

Светошумовая граната, заброшенная в окно первого этажа, гроыхнула так, что по пустынному лесу прокатилось звонкое эхо. Еще не успел звук затеряться среди деревьев, как бойцы уже рванулись со своих мест и понеслись на штурм. Их многоголосый ор, призванный деморализовать бандитов, сам собой перерастал в рев. Гулко хлопали помповые ружья, вышибая замки.

Группа Гуреева живым тараном шла по первому этажу, снося все на своем пути. Несколько встреченных бандитов, ошалело носящихся по комнатам, успокоили прикладами, по ходу дела связывая руки пластиковыми петлями. Один сгоряча попытался вскинуть слишком тяжелый для его руки пистолет западного образца, но Мамай не мудрствуя лукаво прострелил ему колено, а пробегающий мимо Попов от души припечатал ботинком в челюсть.

На втором этаже истерично зашелся длинной очередью автомат. Что-то грохнуло и пронзительно завизжало, тонко и надрывно.

Бойцы второй группы, топоча ботинками, взлетели по ступеням лестницы наверх, чуть не наткнулись на спины своих же товарищей.

У дальней стенки, за массивным деревянным столом, аккуратно под картиной «Бурлаки на Волге», кого-то лежащего на полу методично охаживал кулаками Марат. Дымящийся автомат бандита – вычурный АКС-74у с цевьем и магазином, раскрашенными «под тигра», валялся у окна, в стене и на потолке зияли черные отметины от пуль. Рядом второй боец, придавив коленом голову затихшего бандита, накидывал ему на руки наручники. Третий ооновец стоял в дверях и держал на мушке лежащего полуголового мужика с огнестрельным ранением в плече, который забился под перевернутые стулья и сучил ногами от боли. В зале стоял пронзительный вой, от которого сводило скулы и слезились глаза.

Гуреев, морщась, прошагал в комнату и с чувством опустил каблук на прыгающую по полу вещицу, похожую на небольшого морского ежа. Вещица хрустнула и развалилась на мелкие осколки. Визг и вой прекратились.

– Спасибо, – поблагодарил Мамай.

Из-за стола показалось лицо Марата, потное и разгоряченное. Он вытер окровавленной перчаткой лоб, поправил шлем и тяжело поднялся, напоследок наподдав лежащему. Оттуда только чавкнуло.

– Бастрюков? – попробовал угадать Василий.

– Он, паршивец, – кивнул командир первой группы. – Обдолбался и решил поиграть в Тони Монтану. Вы всех положили?

– Все в люлях, – откликнулся от лестницы Попов.

– Отлично, – Алтынов улыбнулся и прижал палец к рации. – «Бункер», «Бункер», это первый. Бабушка в гнезде.

– Бастрюков жив? – прошипел наушник.

– Местами. С ним два... – Марат поднял брови, глядя на Гуреева, тот показал четыре пальца. – Плюс четыре. Потерь нет.

– Отличная работа. Возвращайтесь.

– Принято, – кивнул Алтынов. – Сматываем удочки, мужики. И червей не забываем.

* * *

Василий сидел на низкой скамье раздевалки в одних плавках и задумчиво крутил в руках тактический нож с серрейторным лезвием в виде клюва. Прорезиненная рукоять удобно ложилось в ладонь, кольцо на обушке позволяло крутить нож на пальцах, меня хват. На дверце металлического шкафчика висела испачканная «горка», но Гуреев не хотел брать костюм домой – опять отключили горячую воду, а стирать грубую ткань в холодной не хотелось.

Распахнулась дверь душевой, и в раздевалку вошел могучий Мамай с полотенцем вокруг бедер. Задержавшись перед зеркалом, поиграл мускулами, любуясь своей накачанной фигурой.

Идущий следом Марат беззлобно рассмеялся, обозвал товарища «качком дутым» и подошел к своему шкафчику. Бросил взгляд на Гуреева.

– Чего хандришь, Васян?

– Да так, устал, наверное.

– Это как – «наверное»? – Алтынов вытащил гражданскую одежду и принялся переодеваться, наблюдая за Гуреевым. – Устал или нет?

– Да не физически, Марат. Морально задолбался.

– Сходи к психологу, – посоветовал от зеркала Мамай. – Она баба что надо, любодорого посмотреть.

– Мамай, психолог – не стриптизерша, к ней за другим ходят, – отмахнулся Алтынов, вновь повернулся к Василию. – Кстати, действительно сходи, она тебе башку вправит.

– Не в этом дело! – Нож в руках Гуреева прокрутился вокруг своей оси и с хрустом вошел в доску скамьи. Василий вздохнул, повел плечами, повернулся к Марату. – Я морально устал работать впустую, – сказал он, глядя в глаза Алтынову. – Сколько у нас выходов на плантации в этом месяце? Три? Четыре?

– Три.

– Хорошо, – согласился Василий. – А сколько пушеров повязали? Сколько караванов остановили? Сколько мелюзги помельче повязали? Господи, да мы уже полгорода, поди, переловили. Многих даже не сажают уже, выпускают под подписку.

– О, опять завел свою шарманку, – протянул Мамай. – Васян, завязывай уже.

– Эй, мускулистый, иди, намажься маслом или еще займись чем полезным, – ответил за Гуреева Марат. – Не видишь – мужчине плохо, ему выговориться надо.

– Да ладно, проехали, – отмахнулся Василий и встал, начал одеваться.

– Да не, все верно говоришь, – кивнул Алтынов. – Как воду горстями черпаем. Только надо ее черпать, братуха, без нас вообще все утонут.

– Да и это я понимаю, – сокрушенно ответил Гуреев. – Только и ты пойми – мне хочется видеть результаты своих трудов. Вот чтобы домой приходиться и знать, что сегодня я что-то изменил. А так я знаю, что мы сегодня одну плантацию накрыли, а завтра их уже три будет плюс одна – на том же самом месте. Потому что Зона эта, она как лучший магнит, всю эту гниль к себе притягивает.

– Ну ты так-то уж не утрируй, – нахмурился Марат. – Сегодня вон Бастрюкова взяли, известного отморозка. Плохо, что ли? За ним рабов пять душ было. Опять же, плантацию уничтожили, теперь этим уродам опять надо думать как туда пробираться да работу восстанавливать. А ты как хотел, Васян? Чтобы разом все это прекратить? Тут работать надо, долго и упорно, методично обрубать все возможные хвосты и головы.

Гуреев согласно кивнул, но вяло, без энтузиазма.

– Все я понимаю, Марат, не первый год работаю. Только вот как-то перегорел я. На место того же Бастрюкова двое таких же придут, их Хазар исправно где-то находит. Рабы? Так то наркоманы, которые один хрен никуда из Искитима не уедут. Скольких мы уже не по первому разу освобождаем? Эти упыри прямо профессию новую себе выдумали, лишь бы к дозе халявной поближе быть. Хочется чем-то серьезным заняться, по-крупному. Вон чтобы команду дали того же Хазара повязать.

– С такими мыслями лучше переводиться куда-нибудь, – пожал плечами Алтынов. – Наше дело маленькое: услышал «фас!» – грызи. А кого и когда – пусть в Управлении думают... Я уж не знаю, что тебе и посоветовать. Нажрись, что ли. В слюни.

– Я пьяный дурной. А переводиться пробовал, ты знаешь. И к комитетчикам, и в особый отдел. Пока всюду молчок.

– Ну, удача она такая, не знаешь, когда подхватит, – глубокомысленно изрек Марат.

Хлопнула входная дверь, и по ногам обдало сквозняком. В нагретом воздухе появился дежурный боец в форме и с повязкой на руке. Нашел глазами Гуреева.

– Вась, на выход, с вещами.

– Чего еще? – нахмурился Василий.

– Батя зовет. Срочно.

– Прямо срочно? – Гуреев хмыкнул. – А чего, не знаешь?

– Неа, – просто пожал плечами дежурный. – Давай, не тяни кота.

– Вспоминай, где накосячил, – посоветовал Мамай.

– А может, того, – Алтынов подмигнул Василию, криво улыбаясь. – Судьба за тобой явилась, а?

3

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

Новосибирская аномальная Зона

10—11 июля 2016 года

Рядом кто-то страшно и безостановочно орал. От этого крика сводило зубы, он проник в голову, пульсировал в висках.

Громов с трудом перекатился на живот, подтянул к груди руки и ноги. Охнул, схватившись за бок, – острая боль пронзила грудь, стрельнула в шее.

Неужели ребра сломал?

Он сразу вспомнил что случилось. Когда вертолет ударился о холм, его выбросило из сиденья и словно тряпичную куклу в центрифуге швыряло по кабине. Пока не вышвырнуло наружу сквозь разбитое окно. И вот уже тогда, от удара о землю, он и выключился. Надолго ли? И где остальные?

И тут же вздрогнул, запоздало осознав происходящее, – крик! Он резал по живому, переходил то в хрип, то в нечленораздельное бульканье. Где-то неподалеку, правее и ниже.

Пилот попробовал встать, но в боку вновь прострелило, отчего Руслан завалился на бок, в жирную слякоть. Вытер ладонью лицо, попробовал сначала сесть на колени. Получилось, хотя и пришлось скрипеть зубами при каждом резком движении.

Он находился на склоне холма, прямо в проторенной кабиной ложбине. По ней ручьем струилась вода, обтекая погруженные в грязь ноги. У подножия чернел фюзеляж с торчащими обломками лопастей – все, что осталось от вертолета.

Громов попытался подняться на ноги, упираясь руками в колени. У него почти вышло, когда – внезапно – закружилась голова и ноги потеряли опору. Пилот опрокинулся навзничь, рухнул всей спиной на бугристую землю, завопил от боли. Его потащило по грязи вниз, как санки по ледяной горке, в плотоядно чавкающее, вязкое и пахнущее перегноем болото.

Громов с перепугу хлебнул маслянистой жидкости, поплававком выпрыгнул на поверхность, отплеываясь. Дико вращая глазами, огляделся.

Мутной воды оказалось чуть выше колена, под ногами разъезжался топкий ил.

Все-таки его стошнило, скрутив пополам и адски пыряя шилом в бок. Голова ходила ходуном, в нее будто били молотами кузнецы.

Черт, судя по всему, сотрясение!

Крик раздавался где-то совсем рядом. Руслан вытер тыльной стороной ладони рот, поспешил на голос, разгребая руками ряску. Выбравшись на кочку, обогнул черный валун кабины.

И отшатнулся.

На него, сквозь треснутое стекло кабины, смотрела половина лица Рязанцева. Вторая половина, прямо на глазах, зарастала странным коричневым мхом, который уже покрыл тело и шею.

Олег смотрел мимо Громова остекленевшим взглядом, из покрытого махровым покровом рта вырывался приглушенный стеклом крик ужаса и боли.

– Помогите, – услышал Громов слабый голос Ильи, доносящийся откуда-то из глубин раскуроченного пассажирского отсека.

Руслан с трудом оторвал взгляд от Рязанцева, прошептал: «Да-да, сейчас». Ухватился за торчащую ручку двери кабины, попытался повернуть. Потянул. Дернул. Рванул что было сил, преодолевая боль в боку.

Дверь не поддавалась, ее намертво заклинило.

Нужно разбить стекло, вытащить Олега!

Пилот обернулся в поисках чего-нибудь тяжелого. Упал на колени, зашарил в траве руками. Но попадались лишь комья земли, трухлявые ветки, мелкие камушки и грязь.

Руслан испуганно посмотрел на Рязанцева. Но того уже не было видно за покрывающим стекло изнутри мхом. Лишь мычание, отчаянное и обреченное.

Громов одним прыжком оказался перед фюзеляжем, перевалился через задранный край пассажирского отсека. Но одного взгляда стало достаточно, чтобы понять – из салона Олега тоже не вытащить. Узкая щель входа в кабину оказалась смятой по центру настолько, что почти превратилась в «8».

– Сука! – в бессильной злобе взвился Руслан. Он выпал наружу, скользя и падая, приблизился к заполненной мхом кабине. Принялся кулаками колотить в толстое стекло.

Стекло, хоть и покрытое трещинами, даже не прогибалось под его ударами, лишь отдавалось глухим гулом. Кулаки соскальзывали, оставляя грязные, вперемешку с кровавыми, разводы.

– Помогите, – вновь донесся зов Ткачева.

Надо вытащить его! Вдвоем справимся, разобьем стекло!

– Иду, Илья, иду!

Громов, преодолевая головокружение, вновь забрался в покачивающийся салон. Поскользнулся, жестко съехал вниз. Уперся ногами в бывшую стену вертолета, тяжело поднялся.

– Илья, ты где?

Из глубины хвостовой части салона, где еле заметно плескалась вода, показалось и пропало светлое пятно.

Ладонь!

Руслан, топоча ботинками, добрался до кромки затопившей вертолет болотной жижи. Здесь, сваленное в кучу, громоздилось почти все внутреннее оборудование вертолета, обломки бортов и переборок, исковерканные кресла и разбитые приборы. Впрочем, ничего из этого не годилось для вскрытия кабины.

Тут же виднелась и фигура Ткачева. Ученый распластался на полу, лицом вниз. Его тело от пояса и ниже скрывала жирная от вытекшего машинного масла вода. Защитный костюм на спине превратился в рваные полосы, пропитанные кровью.

– Илья, я здесь, – Громов плюхнулся перед недвижимым телом друга, схватил за выпрошенные вперед руки.

Ткачев застонал, приподнял голову. Даже в темноте было видно, насколько бледное у него лицо, покрытое пятнами грязи.

– Холодно, – прошептал Илья. – И ног не чувствую.

– Все будет хорошо, – дежурно затараторил пилот. – Сейчас я тебя вытащу, и ты мне поможешь спасти Олега.

– Да, конечно, – отстраненно откликнулся ученый.

– Попробуй ползти, а я потяну, – Руслан уперся ботинками в торчащее ребро салона, сцепил пальцы на специальном эвакуационном кольце, расположенном под воротником защитного костюма Ткачева.

– Давай, – скомандовал он.

Илья закричал, зашлепал ладонями по полу, пытаясь найти сцепление. Напрягся Громов, вытягивая на себя кольцо.

Удалось продвинуться лишь на несколько сантиметров.

– Что-то не пускает, – пожаловался Ткачев, вытирая лицо.

– Наверное, тебя придавило, – пилот аккуратно обошел лежачего, вошел в воду. Погрузив руки, повел ими над телом ученого. И на уровне поясицы наткнулся на большой обломок, врезавшийся в спину Ильи.

– Вот оно. Я попробую приподнять, а ты ползи, – скомандовал Руслан.

Он ухватился за острый край, подсел и попытался приподнять завал. Конструкция чуть поддалась, противно скрипя.

Рядом забился Илья, хватаясь руками за остатки креплений на полу. Он что есть мочи тащил себя вперед. Тяжело, но все же получалось.

– Еще немного, – прохрипел Ткачев. – Только не отпускай.

Руслан зарычал, добавил усилий.

Илья, как раздавленная ящерица, пополз по полу, приподнимаясь на локтях. Из воды показалась поясица, ремень, ноги.

Громов отпустил обломок, хватаясь за горящий огнем бок, помог другу отползти дальше.

– Пойдем, поможешь вытащить Олега, – нетерпеливо сказал он Ткачеву, сам бросился к кабине, примериваясь можно ли отогнуть кусок переборки.

И остановился как вкопанный.

Видимая часть кабины уже превратилась в махровую пещеру со свисающими с потолка мочалами. Коричневая зараза теперь выползала в салон.

– Черт! – Руслан заметался перед входом в кабину, заорал: – Олег! Ты живой? Олег!

В ответ лишь где-то басовито прогремела уходящая гроза.

– Рус, – раздался сзади полный страха голос Ткачева. – Я не могу встать. У меня не двигаются ноги!

Пилот обернулся.

Илья полулежал, привалившись спиной к выгнутому борту. Он бил себя кулаком по ляжке, словно старался достучаться до внезапно отказавшей конечности. Под него уже натекла лужица крови со спины, но ученый не замечал этого.

Громов поспешил к Илье, ухватил не сопротивляющегося друга за подмышки и, пятясь, потащил к выходу.

Ливень почти прекратился, сквозь пордевшие тучи мельком проглядывало чистое небо. Обманчивый свет, позволяющий разглядеть лишь очертания, помог Руслану вытащить Ткачева из разбитого вертолета. Пилот волоком оттранспортировал Илью подальше, под огромное корневище поваленного дерева, похожее на поднявшего щупальца осьминога.

И уже здесь, уткнувшись лицом в горько пахнущую траву, Громов позволил себе потерять сознание.

* * *

Его трясли за плечо, сильно и настойчиво. Звали по имени и хлопали по щекам.

Руслан застонал и открыл глаза, прикрываясь ладонью от яркого дневного света.

Над ним склонилось озабоченное лицо Ильи, осунувшееся и пожелтевшее.

– Живой, – нервно рассмеялся Ткачев. – А я уже испугался! Ты как упал вчера, так в одной позе до утра и пролежал.

События ночи тут же всплыли в памяти – полет, падение, странный мох, пожирающий лицо Олега.

Руслан протер глаза и сел. Боль в боку тут же дала о себе знать болезненным тычком.

Илья увидел, как поморщился Громов, как машинально схватился за ребра. С участием спросил:

– Перелом?

– Скорее всего, – пилот зашипел от боли, вставая. Осмотрелся.

То, что ночью казалось необъятным и высоким, теперь, при дневном свете, выглядело совсем иначе.

Они находились на выпуклой проплешине посреди заболоченного озера. Из зеленой сыпи ряски, покачивающейся под ветерком, дикобразами торчали кочки с длинными листьями осоки. Ближе к берегам, из зарослей тонкого камыша, высывались ломаные изгибы чахлах березок. Чуть дальше – мелкий подлесок с растопыренными кустами, осинами и лиственницей.

По другую сторону болотца, выглядывая из-за толстого ствола упавшей сосны, высился холм, усыпанный металлическими частями вертолета и обломками деревьев. От будто разметанной взрывом вершины до самого низа тянулась канава с валами грязи и дерна. Там, у подножия, должен быть корпус вертолета.

Руслан, ощутив приступ тревоги, поспешил в обход дерева. Он должен был видеть, что стало с машиной!

И что стало с Олегом!

– Рус, не ходи! – запоздало воскликнул Ткачев.

Но Громов уже ковылял по мокрой траве, вытянув вперед голову.

Толстый ствол с местами отвалившейся корой остался в стороне, открылось место ночной трагедии. Вот торчащий в небо обломок хвоста с элементами винта. Вот блестящее пятно вытекшего масла. Вот изрытая ногами земля с безжизненно примятой травой. А вот и вертолет. Точнее, то, во что он превратился.

На месте фюзеляжа возвышался крутой, покрытый коричневым мхом бугор. Нигде не проглядывал металл, нигде не было видно даже намеков на творение рук человеческих. Просто большой, покрытый мхом валун.

Руслан сделал несколько шагов вперед, словно сомнамбула приблизившись к месту крушения. Запустил пятерню в волосы, стараясь осознать произошедшее.

Олег погиб, это уже точно. Они были знакомы недолго, меньше года, однако за это время успели сработаться и даже немного подружиться. В Новосибирске у Рязанцева остались жена и сын, ждущие его с очередной вахты. Они даже труп Олега не получают – никто не станет вытаскивать его из такой глуши, да еще и умершего от неизвестной заразы. А ведь Рязанцев изначально был против полета, отговаривал. А когда Руслан заявил, что не может не помочь Ткачеву, пусть даже в нарушение запретов, то настоял на своем участии. Сказал, что одного Громова не отпустит. Пошутил, что вдвоем в изоляторе будет веселее сидеть.

У Руслана заболело в груди, к горлу подступил ком. Пилот до хруста сжал кулаки со сбитыми костяшками, почти силой заставил себя не думать о погибшем товарище. Панихиду после справим, сейчас надо как-то решать насущные задачи. А задачи, надо сказать, очень трудные.

Вокруг – Зона Посещения. Зона, черт возьми, Посещения! В которой не то чтобы ночевать, а находиться без специального снаряжения и страховочных групп нельзя.

О том, чтобы выбираться самостоятельно, и речи быть не могло. Мало того что ни Громов, ни Ткачев не обладали навыками полевой работы, так еще и местоположение оставалось приблизительным. Руслан в уме прикидывал пройденное на вертолете расстояние, примерное место обрыва на пути «калоши». И все бы ничего, если бы не финальный полет практически неуправляемой машины. Куда летели? Где упали? В какой стороне? Все приблизительно и неточно. Зона большая, и Громов не помнил каждую кочку и болотце, отмеченную на картах. Вся надежда на то, что их будут искать. Начальник спасательной службы Асатрян и безопасник Разуваев без труда соотнесут полет «спасателя-два» с пропажей группы Сидоренко, будут вести поиски по тому же маршруту, что и Громов. А значит,

вполне реально, наткнутся на потерпевших крушение. Главное теперь, подать им какой-то знак, отметить себя среди однородного буро-зеленого рельефа.

Руслан решительно развернулся и пошагал обратно, к Ткачеву. Завидев его, по-прежнему сидящего у вздыбленных корней мертвого дерева, громко сказал:

– Вставай, Илья.

– Олег... мертв?

– Да, – не стал развивать тему пилот. – Вставай. Надо собрать обломки и сложить из них сигнальный знак.

Ученый странно посмотрел на него, болезненно скривился. Убитым голосом ответил:

– Я не могу встать, Рус. Спина болит, и руки немеют.

Громов подошел ближе, присел перед неподвижным Ильей.

– Мне кажется, у меня позвоночник сломан, – сокрушенно договорил ученый.

Громов облизал пересохшие губы, потрогал безвольные ноги Ткачева. Спросил с надеждой:

– Чувствуешь?

Илья покачал головой.

– Так, ладно, – попытался успокоиться и собраться с мыслями пилот. – Ну-ка, дай спину посмотрю. Можешь лечь на живот?

Он помог Ткачеву перевернуться. Не сдержавшись, выругался.

– Что, настолько плохо? – повернул голову Илья.

– Нормально. Не двигайся, – успокоил друга Руслан, хватаясь за голову.

Спина являла собой почти сплошную заскорузлую корку с налипшей грязью и кусками ткани. Громов с трудом смог понять, где просто засохшая кровь, а где живая плоть. Слава богу, нигде не было видно обломков костей или торчащих инородных тел. Что-то тяжелое, с острыми углами, по касательной задело Илью и распоролло спину. А вот цел ли позвоночник?

Глубоких ран Громов не обнаружил. Может, не перелом, а все-таки сильный ушиб? Вот и начинающая чернеть гематома на пояснице.

Руслан лишь дотронулся до здорового синяка, но Илья зашипел от боли, сжимая подвернувшуюся траву.

– Все-все, я только проверил, – успокоил друга пилот, поднимаясь.

– Ну что там?

– По-хорошему, надо бы промыть и перевязать. Но в таких условиях лучше не трогать.

– А с позвоночником что?

– Так не определить. Синяк большой, быть может, просто очень сильный ушиб.

– При ушибе тоже могут конечности отниматься?

– Не знаю, – честно признался Громов. – Будем думать, что могут. В любом случае, тебе лучше пока не двигаться.

Руслан сдвинул рукав грязного комбинезона, посмотрел на чудом сохранившиеся часы.

– Так, сейчас почти десять утра. Зона, по-моему, «дышать» перестала, а это значит, что должны возобновить полеты. Нужно просто подождать, и нас найдут.

Ткачев уронил голову на скрещенные руки, сказал:

– После затихания активности обычно два дня выжидают. Сегодня вряд ли снимут запрет.

– Снимут, – убежденно сказал Руслан, глазами выискивая подходящие для сигнального знака обломки. – Погода хорошая. К тому же две группы пропали, а это уже не шутки.

Он заприметил обломок обшивки на склоне, длинный и блестящий.

– Извини меня, – вдруг сказал Ткачев. – Извини, что втянул тебя во все это.

Громов обернулся. Его глаза встретились с виноватым взглядом Ильи.

- Не извиняйся. Ты бы поступил так же.
 - Олег...
 - Давай не будет о нем, – перебил Руслан. – Сейчас не время и не место.
 - Хорошо, – тихо согласился ученый, повторил: – Хорошо.
- И отвернулся, тяжело вздохнув.

Руслан вздохнул и пошагал к насыпи.

Останки вертолета он обходил по широкой дуге, шлепая по колену в воде. Странно, мох покрыл машину, но не распространился дальше. Неровные края коричневого ковра качались на воде, не отрывались и не пытались перебраться на берег.

Громов поднял несколько металлических кусков разной величины, в два захода перенес их на островок. По пути подобрал узкий обломок фюзеляжа, который вполне мог сойти за короткий мачете, будь хоть немного заточен. Зато им получилось удобно копать ямки, в которые пилот вставлял найденные тут же ветки.

В ходе сбора материала для сигнального знака Руслан наткнулся на бухту репшура, выброшенную из спасательного комплекта. Решив, что помимо веревки могло уцелеть еще что-то, пилот прошел весь путь падения вплоть до вершины холма. Поиски дали результат – он стал обладателем туристического топорика, пластиковой фляги с водой, двух одеял и коробки прессованных галет. Конечно, хотелось обнаружить аптечку, бинты, спички или, на худой конец, упаковку сухого горючего, но, видимо, запас удачи закончился на галетах.

Поднявшись на вершину, пилот поразился силе удара – словно огромный великан сбил земляную шапку с холма, оставив полукруглую вмятину. Как их не убило еще здесь – уму непостижимо!

По другую сторону холма рос довольно редкий лесок. У некоторых высоких осин и кедров отломаны верхушки – либо напрочь снесены, либо висели на расщепленных волокнах. Это путь падения, его надо запомнить на всякий случай.

В лес Громов идти не решился. Ему и так каждый раз приходилось себе напоминать, что он не просто в незнакомом месте, а в смертельно опасном незнакомом месте, в котором все не то, чем кажется.

По роду деятельности Руслану не приходилось напрямую иметь дел с ловушками и прочими смертельными игрушками Зоны. Он никогда не ходил на территорию Посещения и представления не имел, чего именно следует опасаться. Когда-то, само собой, Громов все это изучал на спецсеминарах, но с тех пор много воды утекло. В голове отложилось лишь то, что помогало в работе, – ловушки и факторы, влияющие на полет. Также краем уха слышал от парней из научных бригад, работающих в Зоне, о той или иной чертовщине, убивающей людей непонятным образом. Но ставить на достоверность этих данных он бы не стал.

Единственное, что он знал точно, так это процент смертности среди работающих «в поле». Нет, ученых гибло не много. Все же их старались не посылать на совсем уж опасные участки. Гибли в основном вольнонаемные из местных, добровольцы, прокладывающие те самые вешки. Гибли жадные до денег гражданские, со смертельным риском ползающие в Зону за различными вещицами. Гибли религиозные фанатики, по разным причинам попадающие за периметр. Гибли романтические натуры и любопытные туристы. Гибли военные и спасатели.

А ученые... Ученые гибли редко. Однако за почти что пятьдесят лет их имен накопилось на целую стену в Мемориальном Зале института.

Как в любом другом мемориале, посвященном солдатам, павшим на войнах.

Зато Громов вдоволь насмотрелся на тех, кого не убило, а лишь задело. И, право слово, он думал, что в ряде случаев смерть была бы нехудшим выходом.

Стоя на холме, Руслан попытался разглядеть среди деревьев яркие вешки.

Насколько вертолет отнесло в сторону? И остались ли живые в «калоше»?

По другую сторону от холма, за небольшой болотиной с несколькими островками, на одном из которых они с Ильей устроились, виднелась «светлая» лесополоса. Насколько она тянется, неизвестно, что за ней – тоже загадка. Если еще и остались тропинки, протоптанные некогда жившими здесь людьми, то в большинстве случаев их будет сложно обнаружить.

Впрочем, думать о тропинках и вешках будем, если их не найдут. А найти должны. Потому что в противном случае двоих спасшихся ждет незавидный конец. И о легкой смерти речи не идет.

Взгляд зацепился за что-то темнеющее среди стройных осин. Руслан пригляделся, прикрывая ладонью глаза от солнца.

За деревьями, по ту сторону болотца, покачиваясь и поскрипывая, виднелся небольшой домик на четырех высоких сваях. Впрочем, «домик» – слишком громко сказано. Скорее, деревянный настил с грубо сколоченными бортами и перекошенным навесом.

Охотничий номер? Обзорная вышка лесника? В любом случае, идти к нему Громов не собирался. Но, на всякий случай, местоположение запомнил. И потопал к своему импровизированному лагерю.

Илья встретил его сдержанной улыбкой. Держался ученый молодцом, хотя было заметно, как он напуган и подавлен.

Руслан первым делом дал попить другу из найденной фляги. Позволил сделать три глотка, после чего запасливо флягу убрал. Нужно было экономить, местную воду употреблять он не собирался. Если вдруг сегодня полеты над Зоной не разрешат, придется растягивать найденное до завтра.

Себе он разрешил сделать лишь один глоток.

Из веток и еловых лап Громов собрал небольшой жесткий настил, на который помог залезть Илье. Борясь между необходимостью экономить воду из фляги и желанием максимально хорошо промыть раны, обработал спину друга, смывая грязь и осторожно срезая топором задубевшие от крови полосы комбинезона. Стащил с себя футболку и ею перевязал Ткачева – ничего чище, увы, не нашлось.

Наконец, решили перекусить. Руслан, довольно улыбаясь, потряс галетами. Сухие круглые диски пилот разделил на четыре равные кучки по три штуки в каждой. Две кучки оставил, остальные тщательно завернул обратно в обертку и убрал. Одну пододвинул Ткачеву.

– Такое ощущение, что ты к зимовке готовишься, – попытался пошутить ученый.

– Да нет, – с улыбкой отмахнулся Руслан. – Это так, привычка. На всякий пожарный. Тебе мало? Хочешь, мои возьми.

– Нет, спасибо, – мотнул головой Илья.

Перекусили, задумчиво пережевывая невкусную, но калорийную субстанцию. Пилот поймал себя на том, что непроизвольно вслушивается в доносящиеся звуки – не раздастся ли знакомый стрекот вертолета.

Быстро засунув остатки в рот, он поднялся и принялся доделывать знак. По его задумке, должно было получиться нечто вроде пирамиды с металлическими деталями на гранях. Конструкция получалась чуть выше его роста, состояла из сложенных шалашиком веток и палок с кое-как приделанными и вставленными в развилки обломками. Руслан подумал было укрепить шаткий знак, обмотав репшнуром, но побоялся, что толстая веревка лишь сомнет ветки и все развалит.

Когда все было готово, Громов критически обошел свое творение. В принципе, вышло даже неплохо – на металлические поверхности падали солнечные лучи, их видно далеко. Да и сама пирамида выглядела инородной по сравнению с лесом и болотом, мимо такой сложно пролететь не заметив. В идеале неплохо было бы еще и костер развести, набросав для пушного дыма сырых веток, но огонь извлечь неоткуда. Впрочем, и так должно сработать.

Мысленно пожелав, чтобы внезапно не разразилась буря, Руслан присоединился к Илье. Они накрылись одеялами, обменялись ободряющими улыбками и принялись ждать.

4

Василий Гуреев, боец отряда особого назначения

База миротворческих сил ООН, г. Искитим, Новосибирская область

14 июля 2016 года

Дверь командира отряда была, как обычно, распахнута настежь – не любил старик, когда за ней мог кто-то стоять. Так сказать, издержки профессии. Поэтому Гуреев, одернув форменную куртку, постучал костяшками пальцев по косяку и шагнул через порог.

– Вызывали, Владимир Евгеньевич?

– Вызывал. Проходи, садись, – командир ОСНаза жестом указал на стул возле Т-образного стола. Лысый как коленка, немного раздавшийся в животе, но все еще крепко сбитый и способный дать фору многим молодым, Олисов Владимир Евгеньевич пользовался заслуженным уважением среди бойцов и командиров сопредельных отрядов. С ним считалось даже начальство повыше, вплоть до командующего группировкой, что само по себе необычно, учитывая прямой и открытый характер Олисова. Он без экивоков мог послать на хер проверяющего генерала, потом обосновать свои слова на дисциплинарной комиссии и там же послать этого генерала повторно.

Потому Гурееву было странно видеть Батю несколько озадаченным, если не сказать растерянным.

Напротив указанного Василию стула, через стол, сидел еще один человек, незнакомец. Сидел расслабленно, и даже раскрепощенно, чего в присутствии Олисова не позволял себе никто. На вид – не то опытный вояка, не то бандит – бритая голова, могучая шея и насмешливый взгляд, с которым хоть в цирке смеяться, хоть деревни вырезать. Возраст где-то за сорок, но, может, и старше. Одетый в гражданку – в простую футболку навыпуск и широкие штаны «под военные». На столе, на бумагах Олисова, лежала белая бейсболка с надписью «Я люблю инопланетян», где слово «люблю» заменяло красное сердечко.

Когда Гуреев вошел, этот тип без стеснения принялся разглядывать его, словно придирчивый критик картину. Василий одарил его холодным взглядом и сел на предложенный стул.

– Вот, – обратился Олисов к гостю, – это один из лучших моих специалистов. Зовут Гуреев Василий, прошу любить и жаловать. А это, Василий, наш коллега из родственных структур, так сказать...

Командир почесал голову, будто подбирая верные слова, насупился и искоса посмотрел на «товарища из родственных структур». Тот понимающе улыбнулся и протянул широкую, как лопата, ладонь Василию, сказал:

– Называй меня Сан Санычем. Будем знакомы.

– Василий, – боец пожал сухую ладонь и вновь уставился на Олисова. Но тот жестом отдал слово Сан Санычу.

– Насколько хорошо ты... Ничего, что мы на «ты»?

– Нет, все хорошо, – кивнул Василий.

– Насколько хорошо ты знаком с местным криминальным миром?

Гуреев перевел недоуменный взгляд с Сан Саныча на Олисова и обратно. Решил уточнить:

– В смысле?

– Без смыслов. Насколько хорошо тебе знаком криминальный мир Искитима и окрестностей? – гнул свое гость.

– Ну по работе постоянно сталкиваюсь, но никакого личного отношения к криминалу не имею.

– Я не о том, – терпеливо покачал головой «товарищ». – Знаешь ли ты имена криминальных авторитетов, где они могут быть, где могут вестись нелегальные сделки, кто, чего и почему? Какие слухи ходят по этому поводу?

– Да, знаю, – не стал юлить Гуреев. – Чего не знаю сам, то знаю у кого спросить.

– Вот и замечательно, – удовлетворенно хмыкнул Сан Саныч. И прищурился: – А откуда такая осведомленность?

– Я местный, – с вызовом ответил Василий. – С пеленок уяснил, что к чему.

– Да расслабься, – хохотнул гость, махая рукой. – Я не отдел собственной безопасности, мне нет резона тебя на вшивость проверять. Не за тем пришел. Мне, Василий, толковый парень нужен для, так сказать, взаимодействия служб. Я и мои ребята – люди приезжие, порядков тутошних не знаем, можем с дурасти делов наворотить. Смекаешь?

Гуреев кивнул, хотя смутно себе представлял, о чем именно говорит этот непонятный «силовик». Но чувствовал, что намечается что-то особенное, в чем ему выпал шанс поучаствовать. Уж не этот ли подарок судьбы «напророчил» Марат?

– Ну а вы, Владимир Евгеньевич, – повернулся гость к Олисову. – За парня ручаетесь?

– Я за всех своих бойцов ручаюсь головой, – спокойно ответил командир, холодно улыбаясь. Было видно, что он не в восторге от происходящего.

– Рад за ваших ребят, что им так повезло с начальником, – уважительно проговорил Сан Саныч. – Никаких иных доказательств состоятельности Василия требовать не буду, мне хватает ваших, Владимир Евгеньевич, слов.

И, повернувшись к Гурееву, быстро спросил, прищурившись:

– Где готовят самую лучшую солянку в городе?

– В «Радянте»! – отчеканил Василий.

– Замечательно! – щелкнул пальцами гость. – Беру! Заверните!

5

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

Новосибирская аномальная Зона

11 июля 2016 года

День катился к закату. На часах стрелки пробежали отметку в девять часов, солнце почти касалось верхушек деревьев. Потянуло прохладой.

Громов прошелся вдоль кромки воды, разминая заочневшее от лежания на земле тело. В который уже раз поправил знак, так и норовивший соскочиться и развалиться. Без особой надежды поднял глаза к небу.

За день не пролетело ни одного вертолета. Как они ни вслушивались, не услышали ни шума винтов, ни характерного свиста гравитационных подушек мимо вешек. Если их и искали, то явно в другом месте.

Руслан бросил взгляд на Илью. Тот спал, уткнувшись лицом в руки и закутавшись по самые глаза в синее солдатское одеяло. Его сон нельзя было назвать спокойным, ученый то и дело начинал стонать и метаться. Но больше пилота беспокоил лихорадочный румянец на щеках друга, очень похожий на симптомы воспаления. Еще и с ногами непонятно что, неужели действительно перелом позвоночника?

Ладно. Продержаться бы ночь, а уж завтра точно спасатели прилетят. Не могут не прилететь.

А тихо-то как вокруг! Лишь деревья скрипят да ветер кронами шелестит. Ни голосов птиц, ни криканий лягушек, ни звуков далекого города. Словно всю Зону поместили под стеклянный колпак, создали непроницаемый заповедник инопланетных сюрпризов. Еще хорошо, что погода неизменно июльская. Интересно, научатся ли люди когда-нибудь подобному контролю погоды? Было бы очень удобно. Удачно, что пришельцы не выбрали для прилета в гости новогодние праздники.

– А лучше бы вообще не прилетали, – пробурчал Громов, разворачиваясь и шагая в обратную сторону.

«Может, и не хотели прилетать», – тут же подумал он. Очень уж Посещение на катастрофу похоже, а не на визит вежливости. Сколько он ни читал воспоминаний очевидцев, так и не увидел никакой логики в произошедшем.

Впрочем, как ему когда-то сказал Ткачев: «Не натягивай свою логику на Зону. Там даже законы физики не работают, а ты пытаешься отыскать в ее природе понятный тебе смысл».

«Вот и не буду, – согласился Громов. – Лучше спички поищу».

Он в очередной раз прошел весь путь от болота до вершины холма, ковыряя носком ботинка подсохшую землю. В сторону останков вертолета старался не смотреть, словно это могло каким-то образом стереть память о гибели Олега.

На холме внимание пилота вновь привлекла охотничья вышка. Интересно, в ней могли хранить припасы на всякий случай? Повыше от зверья, от воды. Спички или, быть может, консервы.

При мысли о еде под ложечкой протяжно засосало. Все же для здорового мужика диета из шести печений в день не дело. Нужно будет по возвращении закатить пир в «Радянте» и в «Супчике». И заказать там...

Сглотнув наполнившую рот слюну, Руслан вздохнул и постарался переключиться на что-нибудь другое.

И тут его взгляд упал на что-то небольшое и белое, лежащее в траве между деревьев. Как раз под осиной со снесенной верхушкой. До этого предмета было не больше десяти шагов, нужно было лишь чуть углубиться в лес.

Громов напряженно прошелся вдоль вершины холма, стараясь рассмотреть находку. Что-то объемное, округлое.

Из того, что могло быть в составе спасательно-реанимационного комплекта вертолета, больше всего это «что-то» походило на инъекционный набор или на индивидуальный медпакет. В любом случае, там может оказаться нечто полезное для Ильи. Как он его раньше не заметил?

Руслан сделал шаг в сторону леса. Но вовремя спохватился – забыл, где находишься?

Пилот, прищурившись, осмотрелся. До первых деревьев растет высокая, по колено, трава. Дальше стоит стройная, похожая на корабельную мачту ель. За ней – неглубокий, судя по всему, лог или канавка. А вот еще чуть дальше, через три-четыре дерева, как раз между сухой елкой и осиной без макушки, лежит эта коробочка, слегка присыпанная ветками. И вроде бы ничего подозрительного.

А как должно выглядеть подозрительное? Мужики из «полевых» следопытов говорили, что, прежде чем увидишь, обычно и так понимаешь где ловушка. Но так на то они и «полевые», у каждого за плечами под сотню выходов и подшивка некрологов на напарников. Надо думать, без подготовки они тоже в Зону в одиночку не лезут.

Здравый смысл говорил, что крайней необходимости лезть за коробкой нет, – даже в случае заражения крови у Ильи есть минимум трое суток. С другой стороны, Громовым овладел какой-то глупый азарт, зудящая жажда деятельности. Он почти полдня провалился под деревом, разглядывая неподвижную муть болота.

Руслан сделал еще шаг, стараясь наступать как можно мягче и, почему-то, тише. Словно его мог кто-то услышать.

Ничего не случилось, кроме того, что он стал чуть ближе к вожденной коробке. И сладкий голосок в голове запел: «Вот видишь, ничего не произошло. Еще несколько шагов – и ты на месте. Вдруг там аптечка? Или еще фляга с водой? Или даже, чем черт не шутит, сигнальные ракеты?»

Последний аргумент поставил точку во внутреннем споре Громова с самим собой. Пилот еще раз осмотрелся и, не заметив ничего опасного, медленно двинулся к лесу.

Шаг за шагом, не так уж и страшно. Трава безразлично шуршала под ботинками, сухо похрустывали мелкие веточки. Вот и ель, можно рассмотреть чешуйки коры на стволе и засохшие капли смолы.

Громов пошел быстрее, увереннее.

Трава закончилась, на плечи легла прохладная лесная тень. Руслан коснулся теплого, шершавого ствола дерева, похлопал по нему, будто подбадривая сам себя. Занес ногу, чтобы переступить канаву.

В канаве лежал труп человека. Точнее, то, что от него осталось. Беднягу словно разорвали пополам, от паха до шеи. Торс с задранной в неестественном шпагате ногой, с почерневшими костями таза и ребер, был разложен «в струнку» по дну этой неглубокой впадинки.

И все веточки-палочки, лежащие в канаве, отчего-то тоже лежали исключительно вдоль.

Руслан, холодея, медленно вернул занесенную ногу назад, почти не дыша, попятился. Потом не выдержал, развернулся и стремглав бросился назад, к спасительному болоту.

* * *

Илья не спал, задумчиво бросал в лениво покачивающуюся воду мелкие камушки. Завидев приближающегося быстрым шагом Руслана, он помахал ему рукой.

Громов сбавил шаг, попытался напустить на себя скучающий вид. Но, видимо, вышло не очень хорошо.

– Что-то случилось? – нахмурился Ткачев. – На тебе лица нет.

– Нормально, – отмахнулся Громов, усаживаясь рядом. – Неудачно прогулялся.

– К вертолету ходил? – предположил Ткачев, кивая головой в сторону места падения.

– Типа того, – Руслан не хотел развивать тему увиденного, подергал торчащие из подстилки друга еловые ветки. – Не жестко?

– Нет, удобно. Спасибо за заботу, – с теплотой откликнулся Ткачев.

– Ерунда, – пилот оторвал небольшой сучок. Принялся затачивать его о лезвие топора.

– Там, с холма, вешек не видно? – как бы между делом поинтересовался ученый.

Руслан покачал головой.

– Судя по всему, нас отнесло севернее, километра на три от пятого пути. Насколько я помню, на карте как раз были указаны небольшие лесополосы и заболоченные низины.

– То есть до места, где мы видели «калошу», не очень далеко?

Руслан понял, к чему клонит Ткачев, поэтому попросту проигнорировал вопрос. Он отложил топор, попробовал пальцем остроту заточенной палочки.

– Пока не стемнело, давай посмотрим, что у тебя с ногами, – сказал он и начал расстегивать правый ботинок на ноге Ильи.

– Ты хочешь проверить рефлексию? – догадался ученый.

– Да, – Громов осторожно стащил тяжелый башмак с толстой тракторной подошвой, поставил рядом. – Скажи, если почувствуешь что-нибудь.

И принялся неторопливо колоть палочкой пальцы на ноге Ильи, стараясь не проткнуть кожу.

Ткачев даже нахмурился, пытаясь уловить хотя бы отголоски ощущений.

– Ну? – спустя время спросил Громов. – Хоть что-то?

Илья вздохнул и сокрушенно покачал головой.

– Нет, совсем ничего не чувствую.

Руслан повторил подобную процедуру с левой ногой. Здесь обнаружилась призрачная чувствительность на мизинце.

– Ты уверен или тебе показалось? – переспросил Громов.

– Уверен. Но очень слабый сигнал, как при заморозке.

– И то хорошо, – Громов с кряхтением поднялся, размял колени. – Значит, не все потеряно. Травма серьезная, но не перелом. Трещина в диске или компрессия позвонков, я думаю. Может быть, нерв зажало. Так или иначе, валяться тебе в госпитале долго.

– А само не пройдет?

– Само не пройдет, – усмехнулся Руслан. – Это тебе не насморк.

Он собрал ботинки, отставил в сторону. Пояснил:

– Ботинки надевать не буду, чтобы ступни не прели.

– Да, конечно, – согласился Ткачев. – Что теперь?

– Теперь-то? А что нам теперь делать? Сидим, ждем. В нашем положении дергаться вредно.

Руслан завалился тут же, под дерево, принялся очищать лезвие топора пучком травы.

Илья закрыл глаза и вроде бы задремал.

Солнце полностью скрылось за лесом, озаряя верхушки последними лучами. С востока наступала темнота, превращая мир в черно-серую монохромную картинку. Вечерний ветер зашелестел в лиственницах.

– Жалко спичек нет, – сказал вдруг Илья, открывая глаза и поворачиваясь к задумчивому Громову. – Костер бы развели.

– Боишься замерзнуть? Не бойся, ночи теплые. Здесь же вечный июль.

– Да нет, не в этом дело, – возразил ученый. – Костер ночью далеко видно, нас могли бы заметить.

– Кто? – удивился Руслан. – Ночью полеты над Зоной запрещены.

– Ну нас могли бы увидеть не только наши.

Громов повернулся на бок, подперев голову рукой, с любопытством спросил:

– Ну-ка, ну-ка, кого это ты еще здесь собрался встретить?

Ученый смутился, отвел взгляд. Произнес, улыбаясь:

– Ну не знаю. Сталкеров.

– Дружище, – рассмеялся Руслан. – Да, если сталкер увидит в Зоне костер, он по широкой дуге обойдет это место и сделает вид, что ничего не видел.

– Это почему же?

– Да потому, что не бывает в Зоне костров. Некому тут их разводить ночами. А если быть не должно, но есть, значит, жуть как опасно. И лучше не любопытствовать, а обойти стороной.

– Ты-то откуда знаешь? Прямо знаток сталкерского быта.

– А ты в «Радянте» с мое попей, – пошутил Громов. – Там и не такое услышишь.

– Фу, в «Радянте»? – поморщился Илья. – Рыгаловка ведь.

– Нормальное заведение, – уверил друга Руслан. – Я тебя как-нибудь свожу.

– Заметано. Слушай, а помнишь, как ты нас тогда в Зону возил?

– Когда?

– Ну как же! У меня это единственный выход «в поле» был за всю карьеру. Я же, сам знаешь, кабинетный боец невидимого фронта.

– Ага. Такого невидимого, что я до сих пор не понимаю, чем ты там занимаешься.

– Топологией, Рус. Вычислительной топологией.

– Ой, только не нужно объяснять. Мне потом твои ленты Мебиуса снится всю ночь будут.

Илья рассмеялся. Его лицо в полумраке было практически неразличимо, лишь белели зубы и глаза.

Зону практически накрыла ночь.

– Так вот, – продолжил Илья. – Я же тогда первый и последний раз в Зоне был, хотя и изучаю проблему Посещения уже почти одиннадцать лет. Ну помнишь?

Громов подергал себя за нижнюю губу, пытаясь сообразить о какой поездке говорит друг. Их столько было за его практику, что все и не упомнишь.

– Ну елки-палки, Рус. Как ты не помнишь? Тогда еще Жан Каста приезжал, профессор из африканского отделения института. Мы опыты проводили возле водокачки. Пытались определить влияние направленного магнитного поля на гравиконцентрат.

Громов выпучил глаза и непонимающе покачал головой.

– Ты еще к Таньке Максимовой из лаборатории клинья подбивал, – подкинул фактов Илья.

– А-а-а, – протянул Руслан, звонко хлопая себя по колену. – Конечно помню! Танюху разве забудешь? Только все равно продинамила она меня в конечном итоге. А что, говорят, замуж вышла?

– Да давно. Ушла из института, переехала жить куда-то.

– И правильно сделала. Нечего нормальной девке тут ловить.

– Я как раз после того похода Полине предложение сделал, – уже другим голосом сказал Илья. – У нас же тогда Котляров чуть не погиб, когда гравиконцентрат вспенился и аппаратуру начал разносить.

– Да, я помню, – больше не улыбаясь, ответил Громов. Он откинулся на спину и уставился в темноту.

– Я тогда еще не знал, что меня переведут в сектор вычислений. Думал, что на полигоне придется работать. А это значит, что в любой момент, в любой день может... вот как сегодня. Тогда-то к Полине и побежал. Купил какой-то букет и побежал...

– Ильяха, не надо, – перебил друга Громов. – Не накручивай себя. Ты видел, что головного вагона у «калоши» не было? Значит, вся группа спаслась, ушла в сторону дома. Их, вполне возможно, уже спасли.

– Да, может быть, – без особого энтузиазма произнес Ткачев. – Я очень хочу в это верить.

– Илья, – Громов сел, серьезным голосом продолжил: – С Полиной все будет хорошо. Она – опытный практик, у нее за спиной больше двадцати выходов «в поле». Она знает о свойствах этой земли больше, чем мы с тобой вместе взятые...

– Ты не понимаешь...

– Все я понимаю, – перебил друга Руслан. – Не понимал бы, так не бросился бы по первому твоему зову. Вы с Полиной – самые близкие для меня люди. Сколько мы уже с ней знакомы? Десять лет?

– Двенадцать.

– Двенадцать лет, Илья. И не было случая, чтобы я начал сомневаться в Полинке. Она сильная, она умная, она осторожная. И ты это знаешь лучше, чем я.

Он не видел в темноте лицо Ткачева, но мог поклясться, что тот скорчил свою любимую мину из серии «так-то оно так, но все же».

– Она выходила в Зону последний раз полгода назад. И вот еще – позавчера, – тихо сказал Илья.

– И что?

– Все ее двадцать выходов за периметр были до Расширения Зоны.

Громов промолчал. Он и сам это прекрасно знал. Знал, но упорно не хотел думать об этом. Потому что, в противном случае, пришлось бы признать, что их вылет за группой Сидоренко изначально был обречен.

Руслан повернулся на другой бок и закрыл глаза. Лишь бросил через плечо:

– Давай спать, Илья. Этот разговор все равно ни к чему не приведет. Утро вечера мудренее.

6

Василий Гуреев, боец отряда особого назначения

База миротворческих сил ООН, г. Искитим, Новосибирская область

14 июля 2016 года

Гуреев быстро переоделся в гражданку, лишь пожимая плечами и невнятно отвечая на вопросы сослуживцев. Подхватил сумку и выскочил из корпуса, в котором располагался отряд, на улицу.

Корпус оперативного штаба и казармы отрядов быстрого реагирования находились немного в стороне от основных зданий искимитского спецконтингента ООН. Здесь располагались два сводных отряда особого назначения, призванные наводить порядок и бороться с криминалом на подведомственной территории. Рядом стояли ангары механизированной колонны, отвечающей за весь автопарк оперативного штаба, в том числе и за два вертолета. Тут же, за небольшим плацем, стояло одноэтажное здание дежурных врачей экстренной помощи, вплотную к нему – маленький домик пилотов. Сам оперативный штаб умещался в двухэтажной блочной коробке с длиннющей антенной и значился как объект особой важности – под самую крышу забитый сверхценной аппаратурой, архивами и картотеками.

Руслан сбежал по ступенькам и увидел машину, возле которой стоял Сан Саныч. В старенькой иномарке пыльного серого цвета сидели еще двое человек, возрастом чуть старше Гуреева, а может, даже и ровесники. Один, с волосами ярко-рыжего цвета, колотил пальцами по рулю, второй, огромный здоровяк, откинувшись, дремал на заднем кресле. Одеты они были под стать своему командиру – в простые неброские футболки и свободного кроя штаны, не стесняющие движения.

Сан Саныч увидел Василия, махнул ему рукой. Гуреев не заставил себя ждать, быстрым шагом протопал по бетонке к машине. Сан Саныч хлопнул ладонью по крыше, улыбнулся:

– Это наш мул, наша рабочая лошадка. Залезай в седло, познакомлю с командой.

Василий улыбнулся столь неофициальному приему, чуть расслабился, хотя в голове крутилось масса вопросов. Но, будучи человеком военным, он знал, что всему свое время. Поэтому открыл заднюю дверь и залез в салон, бросив сумку в ноги.

Сидящий рядом с ним парень открыл правый глаз, посмотрел на новенького и немного подвинулся к окну, после чего вновь потерял интерес к происходящему и задремал. Сидящий за рулем, рыжий и конопатый, наоборот, повернул голову широко улыбнулся и подмигнул Василию.

– Ну теперь с нами?

– Наверное... – не нашел что ответить Гуреев, но за него все сказал севший на переднее кресло Сан Саныч.

– Василий, – начал он. – Этот жизнерадостный огневолосый рахит с внешностью истинного ирландца зовется Ватсоном. Тот, который дрыхнет рядом с тобой, Аскет. Меня ты уже знаешь. А это Василий, господа головорезы, наш гид по местным достопримечательностям.

Аскет вновь открыл глаз и промычал что-то приветственное, Ватсон подал для рукопожатия руку.

– А почему Ватсон? – со смешком спросил Гуреев. Ему нравилась создававшаяся атмосфера. Если так и дальше пойдет, то это, скажем прямо, странное назначение пройдет быстро и не напряжно.

– Потому что не Шерлок Холмс, – ответил с улыбкой рыжий.

– И чтобы сразу определиться на берегу, – перевел внимание на себя Сан Саныч. – Василий, ты человек для нас новый, незнакомый, потому я должен озвучить тебе ряд правил. Во-первых, я здесь главный. Я командир группы, я ответственное лицо, я милую и караю. Мои указания всегда обязательны, мои приказы не обсуждаются. На этом задании нет власти, кроме моей. Второе – наша работа – наш распорядок. Мы работаем быстро, продуктивно и без соплей. Потому сейчас мы заедем к тебе, ты бросишь вещи, сходишь в сортир, поцелуешь маму, жену, детей, собаку и после этого переходишь полностью под наше крыло. Ясно? Хорошо. Третье – никаких лишних вопросов. Ты показываешь нам город, ты объясняешь нам, что к чему, ты помогаешь нам по мере необходимости. Без вопросов, без сомнений, без сантиментов. Это понятно?

Василий снова кивнул.

– Отлично, – похвалил его Сан Саныч. – Ну и четвертое, самое простое правило – не облажайся. Если кто-то ошибается, тем самым он подводит группу и ставит под удар задание. Если кто-то ошибается, он недостаточно подготовлен и не способен работать в нужном мне объеме. А если мы не выполняем возложенных на нас задач, то это значит, что мы занимаемся не своим делом. А я, поверь мне, привык заниматься именно этим и менять профессию не собираюсь. Скидок никому я не делаю, в отличие от выводов. Но ты не пугайся, ничего сверхсложного от тебя я требовать не стану, все в пределах твоей квалификации, которую мне представил ваш командир отряда. Это правило тоже понятно?

Сан Саныч улыбнулся, его улыбке вторил Ватсон, наблюдая за Гуреевым в зеркальце заднего вида.

– Вижу, что ты парень что надо, – продолжил командир группы. – Но так, чисто на всякий случай... Пока мы стоим возле твоей казармы, у тебя есть шанс выйти из машины и вернуться к своим делам. Я пойму и не буду думать плохо, честное пионерское. В противном случае наш рыжий друг сейчас заведет машину, и ты на несколько дней выпадешь из своей привычной жизни. И это без вариантов. А то мы тебя уьем.

И широко улыбнулся.

Василий хмыкнул, посмотрел сквозь стекло на окна казармы, на далекий периметр, за которым начиналась опостылое предзоне.

– Меня все устраивает, – твердо ответил он.

– Заметано, – хлопнул по приборной доске Сан Саныч. – Тебя куда везти?

– На Суворова, – и, поймав взгляд рыжего, уточнил: – Я там дальше покажу.

Сыто заурчал мотор, машина плавно покатила в сторону КПП.

– Пока едем до твоего дома, можешь задавать вопросы, – разрешил командир группы. – Если смогу, отвечу.

– Вы откуда? – сразу же выпалил Гуреев.

– Из родственных структур, как и сказал тебе Владимир Евгеньевич. Подробности неважны.

– Я так понял, вам нужно найти кого-то или чего среди местных бандюков. Почему не обратились за специалистом в полицию или ФСБ? Почему именно к нам?

Сан Саныч рассмеялся, хлопнул рыжего по плечу. Ватсон заулыбался.

– Слыхал, рыжий? Прямо в корень зрит, а? Василий, в вопросах отношений с криминалом вашей полиции я верю меньше, чем телевидению. А телевидению я вообще не верю. С чекистами вопрос открытый, но у нас с ними разные интересы. Не буду скрывать, информационное обеспечение у нас и без того на высоте, но нужен смысленый и подготовленный человек из местных, знакомый с реалиями Искитима. Нам порекомендовали обратиться к миротворцам. Ты, кстати, как в ооновцы попал? Олисов сказал, но мне интересно из твоих уст услышать.

Гуреев не стал мяться, да и нечего там скрывать.

– Я местный, но учился в Рязани, в воздушно-десантном. После выпуска должны были под Псков перекинуть, но так сложилось, что мне предложили сюда. Тут же, несмотря на хорошую зарплату, желающих по Зоне прыгать немного. А я все равно местный, работа почти рядом с домом.

– То есть был шанс слинять отсюда? – уточнил Сан Саныч.

– Был.

– А чего ж не слинял? Место, прямо скажем, не самое лучшее.

Василий пожал плечами.

– Ладно, не мое дело, – согласился с молчанием командир. – Еще вопросы есть?

– Вы так и не сказали, что именно я должен делать.

– Все просто. Сейчас мы пообедаем в этом вашем «Радянте», а потом ты мне покажешь, где у вас торгуют артефактами. Мне сувенир нужен.

7

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

Новосибирская аномальная Зона

11—12 июля 2016 года

Руслан вернулся в родной Новосибирск в двухтысячном. Бывший военный инструктор, как и многие сослуживцы, остался не у дел в период тотальных сокращений и расформирований. Но без работы сидеть не пришлось – друг детства Илья Ткачев, с которым он все это время поддерживал связь, пригласил в спасательный отряд при Институте внеземных культур.

В те годы Зона была намного меньше, ее границы еле дотягивали до Обского моря. Новосибирское отделение МИВК располагалось в Академгородке, красивом и чистом наукограде. Оттуда чаще всего приходилось летать в мертвый Бердск, в сердце аномальных земель. Громов до сих пор помнил те маршруты.

И, несмотря на все ожидания, ничего сложного в работе не находил. Не видел он пугающих ловушек, ни разу не держал в руках всяких непонятных инопланетных вещичек, ради которых иные сорвиголовы лезли под пули патрулей. И очень веселился, наблюдая очередную попытку киношников нагнать жути на зрителей путем показа «монстров из космоса», которых якобы скрывают ото всех за высоким периметром военные.

Как объяснил Ткачев, в разгаре был «нижний порог волновой активности» Зоны. В просторечье – Отлив Чудес. Вся аномальная активность внутри периметра поутихла, практически пропали «космические сувениры», которые в былые годы с фанатичным ажиотажем выуживали ради звонкой монеты все кому не лень.

Такое уже случалось и ранее, в конце восьмидесятых. Тогда как раз грянул первый Отлив Чудес. Руслан помнил, какой шел стон по всему миру, когда привычные и донельзя полезные инопланетные артефакты стали терять свои волшебные свойства. Как грянул финансовый кризис в ряде стран, строящих свою экономику на экспорте внеземных объектов из находящихся на их территории Зон Посещения.

Курица перестала нести золотые яйца.

А потом вернулся «прилив». Зоны незначительно увеличились, скромно передвинув границы на несколько сот метров. Вновь «запустились» уже изъятые артефакты, появились новые. Ловушек стало значительно больше, они появлялись в самых неожиданных местах и вели себя агрессивнее. Все стало как в первый день Посещения.

Словно кто-то перезагрузил затухшую систему.

Примерно та же ситуация сложилась и в середине «нулевых». Зона в очередной раз «поблекла», перестала быть центром внимания. Тягу к ней продолжали испытывать лишь верные науке исследователи да нелегальные туристы. И все, естественно, ждали очередной «перезагрузки».

Но, что в 1991 ограничилось «незначительным увеличением», в «нулевых» обернулось катастрофой.

19 сентября 2015 года творения неизвестных цивилизаций решили заявить о себе более агрессивно. Яростным прыжком Зоны отхватили себе десятки километров, проглотили города и поселки.

Канул в Лету Академгородок с местными жителями, гарнизоном и институтом. Осталось «по ту сторону» Обское море.

Это стало настоящим потрясением. По всему миру объявили траур.

Зато киношники и мошенники всех мастей вновь уселись на любимого конька.

Благодаря великой случайности, Божественному промыслу или слепой удаче, в тот день Руслан, Илья, Полина и еще несколько десятков сотрудников находились в Новосибирске, на свадьбе товарища. И узнали о случившемся из новостей.

Институт частично восстановили, создали отделение в Искитиме, который в одночасье стал пограничным с Зоной. Учли горький опыт – вместо полноценного научно-исследовательского монстра оставили лишь те отделы, которые занимались практическими изысканиями. Плюс семь отделов прикладных теорий и вычислений. Плюс спасательный отряд и ремонтную бригаду. А все высокое начальство, финансисты и хозяйственники перебрались в Новосибирск, от греха подальше.

И оказалось, что до Расширения были цветочки. Ягодки посыпались только сейчас. Горькие, кровавые ягодки.

* * *

Руслан не сразу понял, от чего проснулся. Вот он спал – а вот уже открыл глаза и беспомощно пялится в ночь, стараясь сообразить, что не так.

Вокруг абсолютно непроглядная темнота. Ни одной звезды, ни одного светлячка или далекого зарева городов и дорог. Лишь неуютная, густая темнота.

Громов скосил глаза, тщетно пытаясь разглядеть светлый циферблат наручных часов.

Единственное, что позволяло хоть как-то ориентировать себя в пространстве, так это звуки и запахи. И если с уже привычной вонью болота все было в порядке, то вот звуки Громова насторожили.

Он понял, что именно его разбудило.

Шаги. Тяжелые, неторопливые. Странные.

Вот веточки захрустели, ломаясь под ногой. Вот снова. Вот зашуршали кусты, словно кто-то ветки в сторону отвел. Вот посыпалась сухая кора с дерева.

После каждого шага невидимый гость на долю секунды останавливался, словно размышляя. И почему-то у Громова сложилось ощущение, что такой способ перемещения ему непривычен.

Руслан застыл, напряженно вслушиваясь. Он даже старался тише дышать, судорожно вспоминая, куда вечером положил топор.

Шаги приближались.

Пилот мысленно представил себе как этот «кто-то» выходит из леса. Как ступает по высокой траве, нещадно продираясь сквозь спутанные зеленые стебли. Как входит в воду, почти без всплеска погружая ноги в топкую болотину.

Громов похолодел, все еще не решаясь двинуться с места. Им овладел первобытный ужас, с каким далекие предки переживали в своих пещерах ночи, время царствования хищников.

Где же топор? Куда он его мог положить? Ведь был где-то рядом.

Кто-то протяжно и жалобно застонал рядом, и Руслана аж подбросило.

Илья!

Громов повернулся, навалился на товарища, зажимая ему рот ладонью. Ученый испуганно задергался, вцепившись худыми пальцами, попытался оторвать от своего лица руку Руслана.

– Тихо, – на легком выдохе, еле слышно прошептал ему на ухо пилот, прижимая сильнее к земле. – Замри.

Надо отдать должное Ткачеву, он перестал сопротивляться и замер, схватившись за рукав Громова.

Руслан убрал с его лица ладонь и приподнял голову, напряженно вслушиваясь. Услышал ли их возню незнакомец?

Шагов слышно не было. Ветер лениво перебирал листву, скрипели старые деревья, но и только.

Громов осторожно стащил в сторону одеяло, медленно поднялся.

Этот неизвестный где-то здесь, рядом. Пилот буквально кожей чувствовал его. Должно быть, затаился и ждет, вот здесь, в пяти метрах от лагеря.

Что же так темно-то! Хоть силуэт бы различить.

Так и подмывало крикнуть: «Кто здесь?» Руслан даже сцепил зубы, чтобы не вырвалось ни звука. И молился, чтобы молчал Ткачев.

Человек не может ходить ночью по Зоне без света. На такое безумство вряд ли решится даже самый конченный наркоман. Тем более не где-то возле периметра, а здесь, почти в самом центре аномальной активности.

Шли минуты, а странный ходок ничем себя не проявлял. Руслан даже решил, а не почувдилось ли ему?

Осторожно, но все равно чересчур громко завозился Илья. Громов досадливо поморщился, когда услышал его потерянный шепот:

– Рус, ты здесь?

– Здесь, – прошипел пилот.

– Что хоть было-то?

– Помолчи.

И вновь повернулся в сторону болота, словно мог что-то увидеть.

Так он простоял около десяти минут, напряженно пружина на полусогнутых ногах и сжимая кулаки. Слушал, вбирал ноздрями воздух, силясь различить новые запахи.

В конце концов ему надоело.

Что толку играть в прятки в эдакой темноте? Кто бы там ни был, он уже все равно узнал о присутствии людей. И если не проявил себя, значит, встречи не желает.

Руслан расслабился и опустился обратно на жесткую лежанку.

– Что случилось, Рус? – встревоженно спросил Илья.

– Ты ничего не слышал?

– Нет.

– Показалось, – не стал пуше прежнего пугать друга Громов. – Давай спать.

– Точно все в порядке? – засомневался Ткачев. – У тебя голос напряженный.

– Это нервы. Все, спокойной ночи.

– Ну как скажешь, – просто согласился Илья и затих.

Через какое-то время заснул и Громов, хотя ему казалось, что пролежит с открытыми глазами до самого утра. Но незаметно сморило, глубоко и без сновидений.

* * *

Руслан стоял, засунув руки в карманы и тупо глядя перед собой. Яркий солнечный свет придавал всему окружающему пасторальный вид, серебрил воду на болоте в прорехах ряски, сочной зеленью выделял деревья на фоне светло-голубого неба.

Только вот Громову было не до любования красотами природы. Он стоял и смотрел на знак. Точнее, на то место, где он вчера был.

Примятая трава. Еле заметные ямки в земле, куда пилот втыкал ветки. Одиноко поблескивающая шапка от крепежной заклепки. И больше ничего – ни обломков фюзеляжа, ни каркаса из палок. Словно знак корова языком слизала.

Или кто-то унес с собой, не развалив конструкцию.

– Как такое могло произойти? – спросил полулежащий в тени корней Ткачев. – Что именно произошло ночью?

Громов присел, погладил примятую траву, словно та могла что-то рассказать.

– Рус, – привлек к себе внимание ученый. – Ты меня слышишь?

– Шаги, – глухо отозвался Громов. – Шаги я слышал ночью. Тяжелые и грузные.

– Шаги? – Брови ученого взлетели вверх. – Чьи?

– Да откуда я знаю? Темно ж было, не видно ни зги. Кто-то вышел из леса, вошел в воду вон там, – Руслан махнул рукой. – А потом ты проснулся. И все, больше ничего не было. Ты-то ничего не помнишь?

– Я ничего и не слышал. Проснулся от того, что ты мне рот зажал.

– Ясно, – протянул Руслан, хотя ничего ясно не было. – Что ж, придется придумывать что-то другое.

Он поднялся, отряхнул ладони. Поправил за поясом топор, с которым теперь не расставался. Сказал, направляясь к Ткачеву:

– Давай-ка позавтракаем, там еще осталось чем. Да спину твою посмотрим.

Спустя час, когда июльское солнце почти заняло место в зените, нещадно припекая макушку, Руслан пересек болотце и вновь поднялся на холм. Прикрыв ладонью глаза, посмотрел в лес.

Охотничья вышка никуда не пропала, торчала среди стройных осин уродливой черной нелепицей.

Громов вздохнул и принялся жевать нижнюю губу, раздумывая.

Ночной гость не на шутку обеспокоил пилота. Пускай Илья ничего не слышал, но и Руслан был уверен, что шаги ему не приснились. Да и знак не мог сам по себе взять и пропасть, тут явно кто-то постарался. Только кто?

Вопреки расхожему мнению любителей пощекотать себе нервы, в Зоне жизни нет. Или почти нет в привычном понимании.

За рюмочкой-другой у институтских развязываются языки. Иной раз какой-нибудь пьяный бродяга начинал трепаться в «Радянте». И тогда они говорили о жутких существах, населяющих Зону. Об истинных жильцах территории Посещения.

Говорили о шатунах, похожих на медведей существах, чей взгляд может накликасть беду. О палочниках, тощих и худых подобиях людей, прячущихся в лесах и выпивающих жизнь. О муляжах, «живых мертвецах», восстающих из могил. О «черном сталкере» (лаборанте или солдате – тут уж на усмотрение рассказчика), неуспокоенной душе, брошенной в Зоне на лютую смерть. О самих инопланетянах всех видов и расцветок.

Все эти рассказы стоило делить на два, а то и вовсе не принимать во внимание. Люди любили раздувать сенсации на пустом месте, щекотать друг другу нервы и сочинять небылицы. За всю свою многолетнюю службу в спасательном отряде Громов ни разу не видел палочников или инопланетян.

Что или кто приходил ночью к лагерю, гадать уже бесполезно. Встречаться с ним повторно Руслан не хотел.

Однако проблема осталась проблемой – нужен новый сигнальный знак. Даже если спасатели найдут перевернутую «калошу», вряд ли они догадаются, что вертолет пропал совсем в другом месте, пусть и недалеко. А увидеть с воздуха двоих человек, сидящих на маленьком островке посреди небольшого болотца, окруженного лесом, задача не из простых. И тут воистину спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Так что придется рискнуть и попытаться забраться на вышку. Чем черт не шутит, вдруг найдется что-то полезное.

Впрочем, помимо вышки оставался еще и непонятный белый сверток за овражком с изуродованным трупом. Но Громов не мог заставить себя идти туда, не говоря уж о том, чтобы попробовать вытащить находку.

Что ж, теперь не наткнуться бы на что-то подобное и у вышки. Хотя нет, лучше наткнуться, если там есть ловушка. Чтобы успеть увидеть и убраться подобру-поздорову.

Руслан удобнее переложил топорик, поправил на плече бухту репшура, прихваченного «на всякий пожарный». Двинулся по вершине холма в обход болота.

Отсюда был хорошо виден коричневый махровый вал, похоронивший под собой вертолет и Рязанцева. Громов отвел взгляд, опустил глаза. Так и прошел мимо, разглядывая упругие листья осоки.

С этой стороны лес казался приветливее. Быть может, просто так хотелось думать.

До вышки было не более десяти шагов напрямик. Руслан смог разглядеть некогда крепкие бревна-подпорки с глубокими трещинами по всей пятиметровой длине, сложенный из толстых досок пол, фанерные щиты стен, потемневшие и вздувшиеся пузырями. Под самой крышей – узкое окно-бойница. И простая дверь, скорее всего, приставная, к которой вела не внушающая доверия ветхая лестница из поперечных палок.

Громов внимательно окинул взглядом землю на пути к вышке. Трава как трава, кусты как кусты. Лишь в одном месте зияла проплешина, обнажив голую землю. Небольшой такой пятачок, метр на метр. Выглядит неопасно, никаких трупов или тушек птиц не видно.

Мимо проплешины Громов решил не идти. Лучше сделает небольшой крюк, зато по однородной траве.

В которой могло скрываться черт знает что еще.

Руслан выругался, нервно вытирая с горячего лба неожиданно холодный пот.

– Хватит себя накручивать, хватит, – произнес он вслух. – Все равно надо идти.

Бросив презрительный взгляд на трясущиеся пальцы, Громов перевесил бухту по диагонали, чтобы не упала в случае чего. Оставлять веревку он не решился – вдруг тоже пропадет, как «пирамида» ночью.

Выдохнул, сплюнул – и двинулся вперед, раздвигая перед собой траву топором.

Громов не шел, он крался на полусогнутых. По-крабьи, бочком. Готовый в любой момент прыгнуть назад, бежать прочь. У топора была короткая ручка, поэтому лезвие не столько разводило в стороны траву, сколько лишь скользило по верхушкам. Но это было лучше, чем пробовать дорогу ногой.

Так Руслан прошел полдороги, оказался на опушке леса. Здесь трава жалась к мощным корням деревьев, а дальше и вовсе сходила на нет, уступая место толстому ковру из опавших иголок и листьев.

В тени Громову стало чуточку легче – перестало давить на голову назойливое солнце. Воздух приятно пах хвоей и нагретым деревом, над головой безмятежно шумели ветви.

Вторую часть пути Руслан проделал уже быстрее, даже почти не смотрел под ноги. Засмеялся, когда коснулся ладонью сухой поверхности подпорки «домика-на-дереве».

Пилот засунул топор за спину и взялся за шершавые перекладыны лестницы. Чуть подтянулся, пробуя их на прочность.

Перекладина сухо щелкнула, на голову посыпалась труха, и кусок палки остался у Руслана в кулаке.

Громов с досадой кинул на землю бесполезную деревяшку, задрал голову и посмотрел вверх. Как он не хотел, но признал, что лестница никуда не годится. Придется ползти по подпоркам.

Руслан уперся рукой в один из столбов, с силой толкнул раз-другой.

Конструкция заскрипела, покачиваясь, словно бочка впередсмотрящего во время бури. Жалобно хрустнув, отвалилась еще одна перекладина, чуть не стукнув пилота по голове.

Вот же зараза! Это что, теперь лезть по столбу? А то как вся эта древность рухнет вместе с ним вниз? Может, лучше ее свалить, чем рисковать поломать себе шею?

С другой стороны, эта хлипкая башенка могла ухнуть в какую-нибудь ловушку. И тогда все, что в ней есть, накроется медным тазом.

По крайней мере Громову хотелось думать, что в ней что-то есть. Не очень приятно осознавать, что он перся сюда зазря.

– Вот же зараза!

Руслану все же пришлось снять бухту, сверху положить топор. Засучил рукава, поплевал на ладони. И полез по гладкому столбу, прижимаясь к дереву щекой.

Чем выше он полз, тем больше раскачивалась башня. Сверху сыпался мелкий мусор, подпорка под весом Громова скрипела и опасно трещала. То и дело приходилось останавливаться и ждать, пока уменьшится амплитуда колебаний.

С ощущением, что еще миг – и все обрушится, Руслан ухватился за край платформы, подтянулся, помогая себе ногами. В пальцы немилосердно вгрызались мелкие занозы, но Ткачев уже втаскивал свое тело на хлипкий пол.

Вход внутрь был прикрыт небольшим, грубо сколоченным из досок щитом. Из этих же досок состоял и пол, он прогибался и выглядел крайне непрочным.

Руслан отодвинул щит от входа, вошел внутрь.

Здесь пахло затхлостью и сыростью. На фанерных стенах, словно сыпь на щеках больного, разбросало пятна плесени. Под ногами, застряв между досками пола, тускло поблескивало несколько латунных капсулей от гильз двенадцатого калибра. Сами гильзы, судя по всему, были картонные и уже сгнили.

Значит, все-таки охотничий номер. Сидели в засаде и ждали, пока зверюшка подойдет к водопою? Значит, озерцо не всегда таким заросшим было, но, видимо, где-то завалило исток, и вода застоялась.

Перспектива с вышки открывалась хорошая. Было видно почти все болотце, лес на той стороне, холмик вертолета и толстый ствол поваленного дерева, в корнях которого устроились Ткачев и Громов. С других сторон обзор закрывали кроны деревьев, но по проглядывающему сквозь них синему небу Руслан сделал вывод, что лесополоса неширокая. Ему даже показалось, что он увидел маленький край какого-то строения, но увиденное тут же скрыли листья.

Громов копнул ногой труху возле одной из стенок, и на свет показался край промасленной материи, грязный и задеревеневший. Руслан опустил на колени и ладонями расчистил небольшой тощий сверток, кем-то аккуратно положенный в уголок.

Ткань поддавалась плохо, она слиплась и отказывалась разворачиваться, отрывалась узкими полосками. Руслан подцепил ногтем очередной край, снял ее как шелуху с луковицы. Наконец добрался до содержимого, с интересом перебирая пальцем нехитрую добычу.

Завернутые в газету темно-бурые листья, рассыпающиеся от прикосновения. Принюхавшись, Руслан вспомнил давно забытое слово «махорка». Следом шли кусочки вяленого мяса, засохшие до уровня почерневшей резины и не представляющие интереса. Несколько длинных гвоздей. Смятый коробок спичек.

При виде последней находки Громов возликовал, не сдержав улыбки. Правда, коробок представлял собой плачевное зрелище, он был раздавлен и, судя по всему, не раз промокал.

Руслан нетерпеливо принялся отковыривать боковую стенку, чтобы проверить спички ли внутри. И тут услышал звук, заставивший его встрепенуться и нервно закрутить головой.

Мерный перестук лопастей, рассекающих воздух. Вертолет!

Громов бросился к окну, отчего пол под ногами заходил ходуном. Вывернул шею насколько мог, пытаясь разглядеть небо. Кинулся к выходу, чуть не выпав наружу. Скатился

по столбу вниз, обжигая ноги и ладони. Подхватил веревку с топором и бросился прочь из леса, стараясь все же бежать по собственным следам.

Вертолет кружил над дальним лесом, то чуточку снижаясь, то вновь поднимаясь вверх. Заметили разбитую «калошу»? Пытаются обнаружить выживших?

К черту догадки! Если срочно не дать знать о себе, они попросту не полетят в эту сторону! Нужен дым!

Громов кубарем скатился с холма, сжимая в кулаке заветный коробок. В искрах брызг влетел в болотце, высоко задирая колени, помчался в сторону лагеря.

– Вертолет! – встретил его возвращение возгласом Ткачев. – Я слышу вертолет!

– Да, он над тем лесом! Ну-ка!

Руслан плюхнулся рядом с ним, схватил из своей лежанки высохшие ветки и сгреб их в кучу. Разорвал оставшуюся упаковку от галет, запихал бумагу под ветки. Руки тряслись от возбуждения, никак не получалось подцепить край боковой крышки. Не выдержав, пилот рванул, коробок лопнул, и спички разлетелись веером.

– Твою мать! – в сердцах заорал он, принялся собирать тонкие серые палочки. Илья по мере возможности помогал ему.

Вертолет словно напоминал о себе, его звук звучал громче и настойчивее.

Многолетняя влага оставила на спичках вместо серы темно-коричневый налет, который оставлял полосы на терке и не желал возгораться. Ткачев матерился, хватал спичку одну за другой и отшвыривал их бесполезные тела в сторону.

– Вот, держи, – протянул ему руку Илья.

В его грязных пальцах с черными ободками под ногтями была зажата спичка, сохранившая половину головки.

Громов, затаив дыхание, взял спичку и чиркнул ею по исчерченному борту коробка. Ничего.

Руслан вытер тыльной стороной лоб и чиркнул еще раз.

Ничего. С тем же успехом можно было просто водить палочкой по картонке.

Звук вертолета изменился, словно машина сменила направление полета.

Громов вновь чиркнул спичкой.

Сера вспыхнула ярким пламенем, оторвалась от спички и улетела в траву, оставив за собой тоненькую струйку дыма.

– Сука! – не сдерживаясь, заорал пилот. Он вскочил и с отчаянием посмотрел в сторону леса.

Над дальними деревьями появился вертолет. Громов смог различить опознавательные номера и блюдца иллюминаторов. Вертолет сделал поворот и неторопливо пошел над лесом, мимо болота.

– Стойте! Эй, стойте! – заорал Руслан. Он схватил с земли одеяло и принялся размахивать им над головой, прыгая по берегу.

– Мы здесь! – вторил ему Илья, приподнимаясь на локтях. – Спасите нас!

Вертолет безразлично сверкнул стеклами и ушел дальше на запад.

Громов бросил одеяло, спотыкаясь, подбежал к Ткачеву. Буквально рухнул на колени, принялся шарить руками в траве.

– Если была одна спичка, значит, будет и вторая! – выдохнул он. – Они могут вернуться!

Летела вырванная трава, летели прочь испорченные спички. Наконец Руслан, тяжело дыша, завалился на спину и закрыл лицо руками.

– Что теперь? – несмело спросил Ткачев.

Громов не ответил, он лежал, не двигаясь, и лишь грудь вздымалась и опадала.

– Рус, – позвал друга ученый.

Руслан сел, сгорбившись и опустив плечи. Глухо ответил, не поворачиваясь:

– Что теперь будет? Будем ждать завтра. Потом послезавтра. Потом послепослезавтра. И так до тех пор, пока нас не найдут. Или пока не умрем с голоду. Или пока нас не угрожает какая-нибудь ловушка.

Ткачев вздохнул.

– К чему этот негатив? Мы пока живы, значит, есть шансы выбраться отсюда.

Тут его глаза опустились к своим ногам, безвольно лежащим под одеялом. И Илья добавил:

– По крайней мере у тебя есть шанс.

Руслан вздрогнул, потряс головой, отчего с его всклокоченных волос полетели сухие еловые иголки. Хлопнул ладонью по земле и принялся вставать.

– Ты прав, – совсем другим тоном сказал он. – У нас еще есть шансы... Замри!

Он нагнулся, вытянул руку и осторожно снял с одежды оторопевшего ученого спичку. Поднес к глазам.

На спичке была немного съехавшая на сторону серная головка.

С первого же раза огонь зашипел, лениво обвил спичку, нещадно чадя, занялся спокойным пламенем. В окружении подставленных Ткачевым ладоней Руслан донес спичку к кучке веток, подсунил под край обертки. Рыжие языки переползли на бумагу, принялись лизать сухие палочки.

Никогда Руслан не думал, что будет так радоваться обычному огню. Он собрал ветки из своей лежанки в охапку, перенес ближе к костру, осторожно предлагая пламени веточку за веточкой.

Огонь окреп, занялись деревяшки. Горячий воздух колебался между мужчинами, которые довольно счастливо улыбались друг другу.

– Сделаю еще один костерок, для дыма, – сказал Руслан. Вытащил горящую палку, отошел на несколько шагов в сторону и положил ее там, накрыв сухим мхом и корой. Когда костер поднялся, принялся бросать в него подсушенные, но по-прежнему зеленые еловые лапы.

Весело затрещали иголки, разнося запах горячей смолы. Вверх повалил густой белый дым.

Только теперь Руслан позволил себе немного отлучиться. Он как можно быстрее добрался до старой вышки, собрал вокруг нее все, что может гореть. Нарубил еще еловых лап. Этого должно было хватить на целый вечер, а то и на ночь. В любом случае, можно будет принести еще!

Теперь два костра радовали глаз. В одном Ткачев поддерживал огонь, в другой Громов бросал сырые ветки и траву, кашляя от дыма и радостно смеясь.

Прошел час. Другой. Руслан уже начал нервничать, как услышал далекий стрекот вертолета.

– Рус, – предупреждающе воскликнул Илья, но Руслан лишь кивнул, мол, слышу. Он схватил приготовленную охапку веток и травы, разом кинул в костер. Еле успел отскочить, когда пламя рванулось пожирать добычу.

Шум вертолета шел верхами, отражаясь от деревьев. Приходилось напрягать слух, чтобы слышать биение лопастей. Но вертолет был, а значит, их ищут. Значит, должны заметить дым над лесом.

– Ай, – вдруг схватился за щеку ученый.

– Что такое?

– Не знаю... Искра попала, – Ткачев отнял ладонь, и Руслан увидел на его щеке красное пятно.

– Обожгла?

– Да непонятно... – Илья посмотрел на свою ладонь, поморщившись, потрогал лицо.

Что-то кольнуло пилота в макушку, словно разряд статического электричества. Кольнуло и тут же будто угольком прижгли, аж в глазах потемнело.

– Ох! – Громов замолотил ладонью по волосам, стараясь сбить обжигающую искру.

Что-то кольнуло в плечо, как и в первый раз, – удар тока и сильнейший жар.

Выругался Илья, отмахиваясь от чего-то.

Руслан отбежал от костра, потирая плечо. В воздух действительно поднималось много пепла и горящих чешуек от коры. Но помимо них – и пилот не сразу заметил – в воздухе кружил еле заметный пух. Легкий, похожий на тополиный, с длинными и тоненькими ворсинками, он, без всякого ветра, кружил над головой, медленно планировал вниз. Прямо на полянку с людьми.

«Жгучий пух»! Откуда он взялся?

Не мешкая и прикрывая голову руками, Громов бросился к извивающемуся под одеялом ученому. Крикнул:

– Хватайся за шею!

И сам схватил шипящего от боли друга, подставил ему спину. Когда руки Ткачева сцепились на груди, Руслан, пошатываясь, поднялся, взвалив на себя неожиданно тяжелое тело, потащил к лесу по уже хоженной тропинке.

– Это... «пух»? – выдыхая через каждый шаг Громова, прошипел на ухо Илья.

– Да, – выдохнул пилот, почти вползая на холм.

Пушинки теперь сыпались так часто, что напоминали снег. От них не спасали ни одежда, ни одеяла. Людей будто тыкали электрошокерами, не давая передохнуть.

С воплями боли они рухнули в кусты под осиной. Руслан тут же вскочил и за шиворот поволок ученого вглубь леса, под скрипучую охотничью вышку.

Жалобно трещали деревья, принимая на себя ожоги. Тряслась вода в болотце, будто желая вскипеть. Сквозь белое кружение хорошо были видны костры, все еще поднимающийся вверх дым.

Только вот вертолета больше слышно не было, сколько ни вслушивайся.

* * *

– Никогда не думал... что это так больно, – Руслан пожевал подорожник и приложил к распухшему плечу, размазывая зеленую кашицу по красной коже. – Сколько видел, но казалось просто безобидной причудой. И что, защитные костюмы от нее спасают?

– Спасают, – тихо ответил лежащий на подстилке из травы Илья. Он разглядывал небо среди качающихся ветвей, лицо было серого цвета.

– Ты точно себя нормально чувствуешь? – в который уже раз спросило у него Руслан.

– Точно. Растрясло просто.

Руслан с сомнением посмотрел на друга, на выпирающие желваки, на отсутствующий взгляд. Впрочем, тут не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы сложить дважды два, – не успевшие зажить раны на спине, поврежденная спина, ожоги и тряска на закорках у Громова не способствовали хорошему самочувствию. Вот и прихватило. Главное, чтобы это было временно и Илье не стало хуже.

– Что теперь? – спросил Илья, еле разжимая губы.

– Теперь? – Громов принялся натягивать куртку, шипя и извиваясь. – Ай, зараза! А что теперь? Надо думать, как дальше быть. Еды и воды больше нет. Да и лагерь наш, если честно, не самое приятное и удобно место для выживания.

– Что предлагаешь?

Руслан потер нос, бросил взгляд на вышку.

– Знаешь, тут неподалеку я видел какие-то строения, – сказал он. – Там могут быть нужные для нас вещи, медикаменты. Спички. Мы сможем опять развести огонь.

– Чтобы вновь прилетел этот пух?

– Думаешь, он на огонь прилетел?

– Не знаю.

– В любом случае, там есть крыша над головой, – закончил Громов. – Если придется ждать спасателей еще несколько дней, то это нелишнее.

Илья согнул руку и положил худую ладонь на лоб. Помассировал виски.

– Совсем хреново? – Руслан подошел поближе, присел на корточки возле лежащего Ткачева.

– Терпимо, – тихо сказал ученый, прикрывая веки. – Рус, ты сходи, а я пока тут полежу, очухаюсь.

– Что хоть болит?

– Спина, голова... Не знаю, все болит. Не трогай меня некоторое время, ладно?

– Да, конечно, – буркнул Громов. – Я тогда пока на разведку схожу.

Ткачев ничего не ответил.

Пилот сходил к брошенному лагерю, принес назад одеяла. Стряхнул с ворсистой ткани траву и мелкие веточки, накрыл Илью. Вновь вышел к холму, остановился на вершине.

Идти к домам, которые он вроде бы видел, или попробовать вытащить тот белый пакет, который все никак не выходит из головы? Труп возле него мог валяться по другой причине, необязательно из-за ловушки. К тому же можно попробовать зайти с другой стороны.

Решив попробовать разобраться с пакетом, а потом разузнать про дома, Громов направился по гребню холма в обход болота. По пути выломал длинную ветку, которой надеялся вытянуть пакет, не подходя к нему близко.

Он не успел дойти до ближайших деревьев, как вновь появилось чувство тревоги. Руслан остановился, несколько раз глубоко вдохнул, стараясь унять дрожь в груди. Это уже было как-то ненормально, он точно знал куда шел и что там увидит. Откуда тогда такая реакция?

Чем ближе Громов подходил к нужному месту, тем больше им овладевал безотчетный страх. Вытирая липкий пот и хватая воздух ртом, пилот дошел-таки до места, с которого был виден пакет.

Больше он не смог сделать ни шага. Просто стоял, смотрел на виднеющийся среди зеленой массы небольшой сверток и слушал, как клацают его зубы.

– Ну уж нет, – судорожно выдохнул Громов, бросил палку и поспешно сбежал по холму к болотцу.

Страх как рукой сняло, будто и не было ничего. Руслан остановился, оглянулся. Протяжно выдохнул, восстанавливая дыхание. Ну его к чертям, этот пакет! Что-то там неладно, теперь уж он был уверен. Однозначно лучше идти к домам.

8

Василий Гуреев, боец отряда особого назначения

Г. Искитим, Новосибирская область

14 июля 2016 года

Ватсон остановил машину в указанном Гуреевым переулке. Кроме водителя, остальные вышли на улицу, остановились возле витрины магазина дешевой одежды. Василий оценил нежелание Сан Саныча зря светить номера машины в квартале, где за каждым углом проворачивают темные делишки. Бывший фабричный район, застроенный душными общежитиями и казармами, примыкающими к заброшенным ныне корпусам цехов и мастерских, с неосвещенными дворами и закоулками, словно специально был создан для подпольного бизнеса. Здесь было легко прятать товар, легко уходить от погони, легко устраивать засады.

Если бы в свое время он не поступил в военное училище, то уже давно был бы поглощен теневым миром города. Крепкий и неглупый парень недолго остается не у дел в Искитиме. Хотя, наверное, до появления Зоны все было по-иному.

Сейчас они стояли напротив одной из известных Гурееву точек, где барыги со сталкерами крутили сделки с хабаром. Правда, Василий изначально указал на, пожалуй, одного из самых известных скупщиков в городе – хозяина «Радиянта» по кличке Парфюмер, но Сан Саныч захотел начать с отдаленных мест. Выглядело разумно.

Поэтому они приехали сюда и остановились напротив парикмахерской со звучным названием «Аэлита». Здесь работал барыга Фома, на него часто указывали пойманные ооновцами сталкеры. При всех показаниях, взять его с поличным отчего-то не получалось ни у полиции, ни у прокуратуры. Сами же «голубые каски» вне подведомственной территории – Зоны и периметра – никакими полномочиями не обладали. И оставалось только что скрипеть зубами от бессилия и строчить докладные об очередном пойманном мародере.

Сан Саныч, выковыривая зубочисткой остатки обеда, разглядывал здание парикмахерской. «Аэлита» располагалась на первом этаже пятиэтажного общежития, возле нее всегда терлась местная гопота, благо крыльцо было удобным. Они же были гарантом того, что никто посторонний внутрь просто так не зайдет.

– Как хоть этот Фома выглядит? – спросил командир взгляд на Василия.

– Низенький, толстенький, лысенький, с лицом одессита, – ответил Гуреев. – Я его никогда не видел, но все сталкеры повторяют примерно схожее описание.

– Ну уже неплохо. Какие-то кодовые слова, пароли, явки имеются?

– Да нет. Хабар принимает почти в открытую, но никогда из рук в руки. Жадный и расчетливый.

– Ну так торговец, как иначе, – Сан Саныч щелчком отправил зубочистку к приоткрытому канализационному колодцу. – Ладно, нам с ним бабушкино наследство не делить. Про охрану известно чего?

– «Крыша» у него хорошая, потому в самом заведении вряд ли дежурит больше одного вышибалы. Фома все проблемы телефонным звонком решает. Ну и плюс еще эти, выкорыши диких улиц, – Гуреев подбородком указал на пьющую пиво молодежь.

– Откуда такая осведомленность? – поинтересовался командир.

Василий усмехнулся:

– Я же тут вырос. Есть у меня... кхм... пара товарищей, с которыми иной раз в бане пиво пьем. Так сказать, старые связи буйной молодости.

– Хорошо, – командир сделал для себя выводы, бросил коротко: – Аскет, Ватсон! Со мной. Василий, подежурь у машины, посторожи нашу лошадку...

– Я могу пойти с вами, – неожиданно для себя самого сказал Гуреев.

Командир группы повернулся к нему, криво улыбнулся, глядя в глаза:

– А можешь остаться в машине. Я посчитал, что это более важно.

– Но я...

– Василий, – в голосе Сан Саныча проскользнула грозовая нотка. – Не разочаровывай меня. Делай свою работу, а мы будем делать свою.

– Я могу помочь договориться с этими, на ступенях. Иначе они могут поднять шум, – резонно заметил Василий. Он сам не до конца понимал, зачем это делает, но инстинктивно чувствовал, что так правильно.

Сан Саныч переглянулся со своими бойцами, покачал головой. Взялся за дверную ручку, кинул через плечо:

– В бардачке журнал с кроссвордами, полистай пока, отвлекись. Идем, мужчины, общаемся с аборигенами.

Двери открылись и захлопнулись почти синхронно. Раздосадованный Гуреев мог лишь смотреть, как удаляются три чем-то внешне похожих человека, как надевают одинаковые бейсболки и поворачивают их козырьками назад. Он смотрел и видел перспективу. Василий точно не знал, кто эти ребята и действительно ли командира зовут Сан Санычем, но он мог дать руку на отсечение, что они не размениваются по мелочам и не гоняются за наркоманами по предзонью. Эти люди занимаются делом, настоящим и важным. Так почему бы не попробовать перебраться в их контору? А чтобы попасть к ним, лучше шанса не представится, чем показать себя в деле.

Только как себя покажешь, если тебя просто не принимают в расчет? Остается только сидеть и ждать. Как там говорил Марат? Судьба зовет?

Тем временем группа Сан Саныча пересекла улицу и подошла к парикмахерской. При их приближении сидящие на ступеньках подростки поднялись и сбились в кучку, презрительно выпячивая губы и демонстративно сплевывая под ноги мужчин. Для постороннего могло показаться, что пацаны стоят хаотично, но для Гуреева, чье детство и юность прошли на таких же улицах, схема была более чем очевидна. Ребята помоложе держались позади и чуть в стороне, готовые при необходимости сорваться и побежать с воплями прочь, предупреждая местных бандитов. Их прикрывали парни помощнее, держа руки в карманах. Гуреев мог поклясться, что сейчас пацаны потирают кастеты и ножи, примериваясь ударить побольнее. Самые старшие «держали базар» – разговаривали, выясняя намерения гостей, и диктовали приказы – нападать или разбежаться. Эти могли иметь и «ствол на кармане». И стоило Сан Санычу неверно повести себя с ними, сказать что-то не то, да или просто не так посмотреть, можно было забыть про Фому с артефактами и мечтать только о том, чтобы уйти отсюда на своих ногах.

Но вместе с тем Гурееву было интересно понаблюдать за этими заезжими спецами. Говорите, без меня справитесь? Ну-ну.

Сан Саныч что-то сказал, засунув руки в карманы и покачиваясь на пятках. От пацанов отделился один, самый старший на вид, с сигаретой в углу рта, и они с командиром отошли чуть в сторону. Сан Саныч что-то сказал парню, глядя в сторону, вытащил правую руку из кармана и что-то передал подростку. Тот быстро спрятал полученное, выплюнул окурок и свистнул своим. Под удивленным взглядом Гуреева шпана снялась со своих мест и убралась восвояси. Они еще уходили, когда группа Сан Саныча уже входила в парикмахерскую.

– Во дают! – восхитился Василий.

Двери за бойцами закрылись, и потянулись томительные минуты ожидания.

Гуреев сначала напряженно всматривался в стекла «Аэлиты», потом откинулся на спинку, думая о своем. Принялся выстукивать по стеклу навязчивую мелодию, вспомнившуюся не к месту. Потом, чтобы не задремать, решил выйти на улицу, постоять рядом с машиной.

Из маленького окошка на втором этаже, расположенного прямо над парикмахерской, вылезал полуголый мужик в клетчатых семейных трусах. Он завис, держась за раму, засучил ногами, пробуя нащупать край вывески. Но босые ступни скользили по пластику, вывеска прогибалась. Мужчина задергался, его тело начало вытягиваться, словно капля, и Гуреев понял, что беглец вот-вот спрыгнет.

Нужно быть совсем тупым, чтобы не сложить вместе приход в «Аэлиту» Сан Саныча с ребятами и этого странного типа. Поэтому Гуреев, не раздумывая, сорвался с места и побежал в сторону парикмахерской, отмахиваясь от гудящих машин. Он как раз успел поймать мужика, которой со звонким шлепком плюхнулся на бетон крыльца.

– Стоять! – привычно заревел Василий, прижимая трясущегося беглеца к стене. – Руки на стену!

Мужик, рыхлый и липкий от пота, от неожиданности взвизгнул, задергался сильнее.

– Стоять смирно, кому сказал! – хлопнул ему по затылку Гуреев.

– Э, олень! – раздался сзади возмущенный мужской голос. – Ты что за хер?

Прижимая барахтающегося беглеца к стене, Василий полуобернулся. К нему приблизилось двое ребят, вылезших из видавшей виды «девятки». Одеты в спортивные костюмы и кепки-«хулиганки», движения резкие, дерганные. Один худой, с лицом наркомана и синими мешками под глазами, чем-то похожий на хорька. Второй – настоящий громила со свернутым на сторону носом и поломанными ушами. Должно быть, бойцы «крыши» Фомы.

– Отпусти его, – скомандовал громила.

– Ты чьих будешь, упырь? – поинтересовался худой.

– Отпусти, сука, – сипло вторил беглец.

Гуреев размышлял короткий миг. Он локтем ударил голого мужика в затылок, отчего тот с глухим звуком стукнулся о стену лбом и обмяк. Потом повернулся к бандитам и резко сунул руку за спину.

– Стоять, завалю! – оскалился Василий.

– Чего ты гонишь? – усмехнулся бугай. – Жить надоело?

Второй демонстративно сложил руки на груди, сделал небольшой шаг вперед.

– Стоять! – проревел Василий.

– А то что? – и сделал еще шаг.

Василий ударил ногой, целясь в пах. Носок ботинка врезался бандиту в промежность, и тот захрипел, опрокидываясь на бок. Его товарищ тут же прыгнул на ооновца, рассекая воздух стремительными ударами пудовых кулаков. Гуреев пропустил несколько ударов, отступил назад, закрывая голову. Нога провалилась в пустоту, и он покатился по ступеням вниз, жестко прикладываясь ребрами и локтями. Не дав ему передышки, сверху налетел бандит, втапывая Василия в землю. Гуреев извернулся, рубанул каблуком по голени противника и тут же еще раз, в колено. Бандит зашипел, отскочил назад.

И тут же сложился от мощного удара в челюсть. В поле зрения Василия появился набыченный Аскет, который добавил поверженному бандиту ногой в лицо. Сильные руки помогли Гурееву встать, голос Сан Саныча ехидно заметил:

– Отдохнуть прилег?

– Я... – покачал головой Василий, потом махнул в сторону голого мужика, которого Ватсон прижимал коленом к земле. – Вон, поймал.

– Ага, или он тебя, – ответил командир. – Я тебе что сказал делать?

Гуреев лишь сплюнул кровью, утерев рот рукавом.

– Аскет, хватит несчастного плющить. Помоги Ватсону, хватайте нудиста и в машину. Вася, водить умеешь?

– Умею, – буркнул ооновец.

– Да не дуйся! – хлопнул его по плечу Сан Саныч. – Ты молодец, вовремя появился. Пока мы там всю цирюльню по кирпичу разносили, этот за коврик нырнул – и на второй этаж. Кто ж знал-то... Бойцы, хорош копаться! Сейчас гангстеры понаедут, будут мешать диалогу!

Аскет и Ватсон волоком проволокли стонущего мужика к машине, без лишних слов закинули его в багажник.

– Ну, герой, теперь покажи-ка нам место, где можно пообщаться без свидетелей, – сказа Гурееву Сан Саныч.

– Кафе? – не сразу сообразил Василий.

– Боюсь, в кафе не оценят наши методы беседы, – усмехнулся Сан Саныч. – Да и наша свинка визжать будет очень громко. Ну ты понял?

Гуреев понял. И нервно сглотнул.

9

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

Новосибирская аномальная Зона

12 июля 2016 года

По высокой траве бегали невидимки, словно играли в чехарду. Длинные стебли гнулись по направлению движения и вновь выпрямлялись, недовольно покачиваясь. Со стороны казалось, словно кто-то огромный водит палкой по зеленому морю заросшего поля, вырисовывая зигзаги и круги.

Руслан, затаив дыхание, наблюдал за происходящим, выглядывая из-за покосившейся березы. Перед ним простиралось неширокое поле, поросшее нежно-зеленой травой с торчащими тут и там желтыми цветками. Оно окружало приземистый бревенчатый дом, крышу которого заметил с вышки Громов. К дому примыкала небольшая сараюшка, собранная из досок и обшитая фанерными листами, такими же, как и стенки вышки. Дверь сарая от времени перекосилась и съехала в сторону, приоткрыв небольшую щель вовнутрь.

Невидимки пронеслись мимо убежища пилота, шурша по траве, и тот неосознанно вжал голову в плечи.

Возвращаться ни с чем? За последние часы вертолет больше не появлялся, значит, нужны еда и вода, чтобы продержаться еще какое-то время. К тому же Руслана серьезно беспокоило здоровье Ткачева, тому явно стало хуже. И подорожниками тут делу не поможешь.

Громов невесело усмехнулся собственным мыслям. А чем тут можно помочь? Надеяться, что удастся найти антибиотики и обезболивающее? Ладно если бы они потерпели крушение в «третьем кольце», которое образовалось в прошлом году, но здесь, в самом сердце, необитаемом с 72 года... Нет, это вряд ли.

И все же попробовать стоило.

Только вот как пройти к дому, минуя это странное явление?

Громов прокрался чуть ближе к полю, не выпуская из поля зрения движущиеся по траве волны. Привстал на трухлявый пенек, вытянув шею и держась за молодую ольху.

По полю двигалась не одна, а несколько аномалий. Руслан насчитал по меньшей мере три разных движущихся рисунка. Вселяло надежду, что трава оставалась нетронутой, ее не выдирали и не срезали верхушки. Можно предположить, что явление неопасно, по крайней мере, если целенаправленно не лезть под его действие. Осталось решить стоит ли ползти, прижимаясь к земле и пропуская невидимок над головой, или можно попробовать пробежать напролом, выждав момент.

– Бегать по Зоне? Ну-ну, – с сарказмом покачал головой Громов.

И, тем не менее, второй способ казался менее нервным и, если честно, более безопасным. Руслан боялся, что у него не хватит выдержки спокойно ползти, когда над ним нечто неведомое будет крутить свои хороводы.

Но проверить не помешает.

Руслан повертел головой в поисках подходящей палки или камня. На глаза попался небольшой обломок упавшего дерева, сухой, с кусками бугристой коры. Пилот взвесил находку в руке, примерился и, когда невидимка чертил очередной круг неподалеку, метнул обломок в поле.

Деревяшка пролетела по дуге и с хрустом ухнула в траву.

Громов жадно вперил взгляд в аномалии, но те никак не отреагировали на упавшую палку, занятые одним им понятным делом.

Приободрившись, Руслан выпрямился и вышел на край поля, сжимая в руке топорик. Взглядом обозначил себе дорогу к дому, подмечая, что густая трава доходит ему почти до груди. Выждал, пока невидимки унесутся максимально далеко, и, что есть силы, рванул через поле.

В ушах свистел ветер, трава превратилась в жесткие розги, хлещущие по лицу и рукам. Впереди раскачивалась крыша дома, вырастая и заполняя небо.

Под левой ногой неожиданно образовалась пустота, ступня провалилась в старую кротовую нору. Громов охнул, заваливаясь всем телом вперед и в последний момент закрывая лицо от острых огрызков сухих стеблей.

– Твою ж мать! – зарычал сквозь зубы пилот, ощущая острое покалывание в подвернутой лодыжке. Он оттолкнулся от мягкой, густо пахнущей земли, высвободил ногу и на карачках пополз вперед, головой раздвигая траву. Ему казалось, что незримые танцоры вот-вот заметят его, настигнут и утащат за собой. Поэтому ладоней и коленей Руслан не жалел, следя лишь за тем, чтобы не обронить мешающийся топор.

Бревенчатая стена выскочила неожиданно, звонко хлопнув пилота по лбу. Громов, громко сопя, подтянул ноги. Хватаясь за выступы, поднялся на ноги.

– Фу, – выдохнул он, вытирая лицо ладонью.

Возле дома пахло сыростью и гнилью. Почерневшие бревна сруба, проложенные паклей, подпирали лохматую крышу, поросшую травой и мхом. Узкие окна с настолько грязными стеклами, что это делало их непрозрачными. Невысокое крыльцо заросло травой, потемневшее дерево просело под собственным весом.

Руслан неторопливо прошелся вдоль стенки, касаясь ладонью шершавых бревен, переступил развалившуюся скамейку и остановился перед входом в дом. Тут же, в двух шагах, располагался сарайчик, но выглядел он настолько плохо, что вообще было непонятно, как еще не развалился. Стенки осели, как кривые ноги штангиста, крыша провалилась внутрь, выдавив наружу двери.

Если в сарае когда-то и было что-то ценное, то теперь оно лежало похороненное под грудой трухлявых досок.

– Эй, – несмело произнес Громов, держа руку на топоре. – Есть тут кто?

В ответ лишь шелест невидимок по траве.

– Я захожу.

Руслан осмотрел ветхую дверь на массивных кованых петлях, взялся за неровное металлическое кольцо, служащее ручкой. Потянул. Дверь неохотно вылезла из проема, цепляя размоchenными краями за косяк и скребя нижним краем по земле. Громову пришлось пару раз дернуть, разворачивая заржавевшие петли в нужную сторону.

Из темного предбанника пахло затхлостью и старостью, а также еще чем-то незнакомым, неприятным. На пол полетели высохшие веники из травяных сборов. Падая, они рассыпались в труху. В узкой полоске света Руслан увидел короткую прихожую и проход в дом с низкой притолокой. На деревянном полу валялись загнутые от времени кирзовые ботинки и дырявый ватник с торчащей из прорех желтой набивкой.

На всякий случай оглянувшись, Громов пригнул голову и шагнул внутрь, выставив перед собой руку.

Маленькая темная комната с низким потолком и застоявшимся воздухом. Почти никакой мебели, лишь стол с двумя пеньками вместо табуретов, грубо сбитые полки в углу, укрытые дырявой занавеской. На столе – почерневшая тарелка с бурыми комьями внутри, такая же жестяная кружка, поросшая паутиной. Мягкие цилиндры папиросных окурков в низкой консервной банке, коробок спичек. У дальней стены – холщовый мешок с торчащими сквозь ткань засохшими ростками картошки. Из толстого слоя пыли торчит ржавая дверная ручка – вход в подпол.

Левый дальний угол комнаты отгорожен шторой на толстых кольцах, сквозь которые продета проволока. Проволока прогнулась под грузом, ткань открыла часть простой деревянной кровати.

И чью-то ногу в сапоге.

Руслан сделал шаг и чуть было не отпрыгнул – пол почти без сопротивления продавился вниз, словно был картонным. Судя по всему, доски подточила исходящая из земляного подпола сырость. Чтобы не провалиться, хотя вряд ли здесь глубоко, необходимо нащупать лаги и ступать по ним.

У Громова не ушло много времени, чтобы определить нахождение несущих бревен. Они располагались не слишком широко, по ним относительно комфортно можно передвигаться.

Шаг за шагом, пилот приблизился к шторе. Зачем-то отметил, что человек на кровати должен быть крупным – размер сапога вполне мог быть сорок пятым. Старый такой солдатский сапог, с блестящими точками гвоздиков и стоптанным каблучком.

Громов топором отодвинул штору в сторону.

Проволока сухо лопнула, и пыльная ткань, гремя кольцами, накрыла пилота. От неожиданности Руслан отступил назад, крепко матерясь, и не попал на лаг. Доски под ногами опасно прогнулись, изгибаясь дугой. Пилот замер, укрытый разъезжающейся тряпкой, аккуратно перенес вес тела. И уже потом, сбросив под ноги штору, брезгливо отряхнулся. Повернулся к кровати, вытирая лицо.

На кровати полулежал мужчина. Одетый в ватные штаны и вязаную водолазку, с косматой бородой и густыми кудрявыми волосами, он был весь серо-синего цвета. Одна нога, с завернутой до колена штаниной и без сапога, неестественно свисала вниз, в районе голени загибалась под кровать, будто пластилиновая. Приглядевшись, Громов понял, что и само тело выглядело странным, каким-то оплывшим, потерявшим формы. Голова мертвеца опущена, в рот с такими же серо-синими зубами вставлен ствол охотничьей двустволки. Приклад и цевье почти сгнили, палец правой руки лежал на курке. Левая рука что-то сжимала в кулаке. Рядом с ней тускло блестели два латунных капсюля от патронов двенадцатого калибра.

«Вот и хозяин вышки нашелся», – подумал Громов.

Мертвецов Руслан не боялся, насмотрелся за свою жизнь и на утопленников, и на «горелых», и на расчлененку. Но с этим трупом было что-то не так, как-то хорошо он сохранился за столько лет. Не мумифицировался, не сгнил. И умер непонятно от чего – затылок на месте, а значит, мозги себе вышибить не смог или не успел. Нога еще эта, лежит словно без костей.

Стоп! А ну-ка...

Громов наклонился и потыкал пальцем в колено мертвеца. Палец мягко отпружинил, будто нога была сделана из плотной резины.

– Ох ты черт! – Руслан потрясенно покачал головой, убирая руку.

Он как-то возил нескольких несчастных с подобными симптомами. Так изменить тело мог только коллоидный газ, отвратительная ловушка, именуемая «ведьминым студнем». Если вовремя не ампутировать пораженную конечность, то вскоре все тело превращалось в холодное желе, в однородную студенистую массу.

Судя по всему, этот бедолага где-то вляпался в такую ловушку, успел добраться до этого домика. Руслан представил себе, как охотник вваливается в дом, заползает на кровать. Как скидывает сапог и пытается понять, что с ним происходит. Как жуткая зараза поднимается от ноги все выше и выше, причиняя мучительную боль. Как, неспособный больше терпеть, мужчина в отчаянии вставляет оружие в рот и хочет нажать на курок. Но пальцы уже не

слушаются, они как резиновые «червячки». Потом тяжелое удушье, сердце расплавляется, смешиваясь с однородной массой. Наступает смерть.

– Надо бы похоронить тебя по-людски, – сочувственно сказал Громов. – Но пока, извини, я тут похозяйничаю.

Пилот засунул топор за пояс, похлопал мертвеца по карманам. Пусто. Не сдержался, вынул из пластиковых пальцев ружье, повертел.

Нет уж, оружие в таком состоянии опаснее для стрелка, чем для цели, – в струпях ржавчины, с болтающимся механизмом и крошащимся металлом. И главное, что к нему нет патронов, а если бы и были, то все равно здесь нет тех, на кого можно было бы охотиться.

Внимание Руслана привлекла правая рука, сжатая в кулак. Из нее торчали какие-то черные острые иголки, похожие на слюду. Громов двумя пальцами вытянул одну.

На его ладони лежала черная булавка, похожая на сильно вытянутую стеклянную запятую. Громов уже видел такие по телевизору, но живую не сталкивался.

Он взял булавку в пальцы и сильно сжал обманчиво хрупкую головку. Та тут же отозвалась, заиграла красным и зеленым цветом, мерцая с определенным ритмом. Через пару секунд мерцание закончилось, булавка погасла.

«Черные брызги», довольно распространенный аномальный материал в Зоне. Предполагалось, что их мерцание имеет некий смысл, но, пока ученые строили догадки, модники украшали ими свои наряды.

– Надо Илье показать, пусть подивится, – буркнул Руслан, убирая артефакт в нагрудный карман. Потом он повернулся и запрыгал по лагам к полкам у дальней стены, ощущая, как неприятно трясется весь дом. По пути взял со стола коробок спичек, сунул в карман.

На полках из неровно отпиленных грубых досок оказалось удручающе пусто. На самой верхней лежала невесть откуда взявшаяся ржавая подкова, так и не принесшая хозяину счастья. На двух средних одиноко стояли жестяные банки из-под кофейного напитка. В одной обнаружилась пакля, в другой – застывшее машинное масло на доньшке. Лишь на самой нижней полке Руслан нашел пустую солдатскую флягу в брезентовом чехле и две закрытые консервные банки с содранными наклейками.

Громов прицепил флягу к поясу, банки рассовал в карманы летного комбинезона. Еще раз осмотрел полки, для верности проводя рукой, но ничего нового не нашел.

Глупо было надеяться на то, что в этом старой доме, забытом в центре Зоны, может найтись что-то нужное и полезное. Быть может, в сарае?

Лаг под ногами громко хрустнул, вверх взвился клуб пыли и щепок. Руслан только охнул, проваливаясь вниз. Каким-то неведомым образом успел ухватиться за подоконник, плюхнулся на задницу возле стены.

В полу образовалась глубокая вмятина, которая на глазах превращалась в дыру. Доски пола сначала треснули пополам, потом, увлекаемые бревном, посыпались вниз, в подпол.

Там, в ловушке из песчаных стен, клубился зеленоватый дым, вытягивая вверх прозрачные язычки, словно актиния.

«Ведьмин студень!» Целый подвал!

У Громова от ужаса перехватило дыхание. Он вжался в стену, распластавшись по ней.

Поломанные доски пола покачнулись и съехали вниз, теряя формы и растекаясь синими лужицами. Рухнула вторая половина лага, выдергивая из стены нижнее бревно. Дом протяжно застонал, перекашиваясь и медленно проседая.

Начал проваливаться пол возле двери, со скрипом поползла кровать с мертвецом.

Руслан, словно загнанный в угол кролик, прыгнул вперед, перелетая расширяющуюся дыру. Клацнул зубами, ударяясь всем телом. Извернулся, ужом скользнул вперед, ощущая как за ним проваливается пол. Выпрыгнул в прихожую, снеся плечом косяк.

Быстрее! Уже виден дневной свет!

Пулей вылетел из дома, который, как домик из спичек, рассыпался, грохоча бревнами и стреляя щепками. Дальняя часть вместе с крышей уже завалилась внутрь, сгнув в объятиях ловушки, другая навалилась на останки сарая, окончательно складывая их.

Пилот стоял с широко открытыми глазами и нервно сглатывал слюну. Потом, удостоверившись, что зеленая дрянь не ползет за ним из развалин, упал на колени, обхватил голову руками и уткнулся лбом в холодную землю.

Руслан никогда не умел молиться. Никогда не умел и не любил. Но сейчас благодарил всех богов, какие его могли слышать, шевеля губами и сжимая грязные пальцы в кулаки.

Так он просидел некоторое время. Потом поднялся, отряхнул штаны и повернулся к лесу. Пора было идти назад.

Из полумрака леса, еле различимый среди теней и веток, на него кто-то смотрел. Кто-то большой, массивный, скособоченный.

Не человек.

Стоило им с Громовым встретиться взглядами, как существо неспешно повернулось и пропало, затерявшись в фактуре леса.

Путь к лагерю занял гораздо больше времени, чем поход к дому. Громов пробирался по лесу, поминутно оглядываясь и замирая. Руслану казалось, что замеченное им существо крадется следом, неминуемо настигая пилота.

К болоту он вышел поздним вечером, уставший и голодный. Взобрался на холм, почти с радостью обнаружил черный короб вышки на своем месте. Ускорил шаг.

Казалось, за время его отсутствия Ткачев не шевелился. По крайней мере Громов обнаружил ученого там же и в той же позе, что и днем. Лицо Ильи осунулось, под глазами лежали темные тени. Тонкие губы потрескались, четко выделялись на бледном лице. Даже борода как-то поредела, хотя такого не могло быть.

Ткачев лежал с закрытыми глазами, но, когда встревоженный Громов опустился рядом, веки поднялись, и на Руслана посмотрели глаза полные боли и удрученности.

– Я вернулся, – сказал Руслан.

Губы Ткачева разошлись в слабой улыбке.

– А я не уходил, – тихо проскрипел ученый.

– Шутишь? – улыбнулся в ответ Громов. – Это хорошо.

– Вода? – с надеждой спросил Илья, указывая взглядом на фляжку.

– Нет, пустая. Не нашел я воды, дружище.

– Ясно, – голос Ткачева потух, но он все же нашел в себе силы ободрить друга: – Ничего, в другой раз повезет.

– Конечно повезет, – Руслан вытащил консервные банки, положил на землю. – Вот. Не знаю, насколько они еще пригодны. И еще вот, спички.

– Опять костер хочешь развести?

– Не знаю, наверное. Попробую на старом месте, там и дровишки остались. «Пух», если появится, в лесу нас не достанет. Надеюсь, что не достанет.

Ткачев кивнул.

Без лишних вопросов было видно насколько ему плохо. Эта пробежка под «жгучим пухом», тряска и падения усугубили самочувствие, и без того подорванное травмой. Руслан боялся, что, помимо проблем со спиной, у Ткачева могут быть неприятности с внутренними органами. Он помогал ученому оправляться, крови в моче не видел, но это совсем не показатель. Да еще и эта синюшность на спине, вокруг раны, первый признак омертвения.

Куда ни кинь, всюду плохо. Если ничего не сделать, то в ближайшую пару дней Илья может умереть. Только вот что можно сделать в их положении? Что может сделать пилот разбившегося вертолета Громов?

Руслан постарался прогнать тяжелые мысли. Взял одну из консервных банок, потряс. Банка показалась подозрительно легкой, внутри что-то со стуком перекаатилось.

– Пока меня не было, сюда никто не приходил? – между делом спросил Громов, пристраивая банку на пенек и вдавливая угол топора в крышку.

– Нет, – удивился Илья. – А должны были?

– Я так просто спросил, – решил не нагнетать обстановку пилот. – Мало ли, может, слышал кого.

– Ты о том, кто утащил наш знак? – предположил Ткачев.

– И о нем тоже. Просто опасно оставлять тебя здесь одного. Нужно будет как-то замаскировать это место и тебя вооружить на всякий случай.

– Вооружить? Меня? – Илья не смог сдержать улыбки. – Да я руку еле поднять могу.

– Мне так будет спокойнее, – не терпящим возражения тоном сказал Руслан.

Банка поддавалась плохо, лезвие топора прорезало толстую жечь не сразу, прежде вдоволь измяв. Наконец довольно изуродованная крышка поддалась, Громов поддел ее и отогнул.

– Фу!

Он отставил банку в сторону, с отвращением взирая на черно-зеленые комки внутри, покрытые плесенью. Воздух наполнился удушливой вонью.

– Минус одна, – прокомментировал Ткачев, скосив глаза.

– М-да, испортилась, – Руслан посмотрел на оставшуюся банку. – Будет жаль, если и там такая же история.

Он вытер топор о траву и взялся за оставшуюся консерву. Хлопком ладони по обуху пробил дыру в крышке, принялся. Озадаченно крикнул и торопливо вскрыл банку. Победно посмотрел на друга, протянул ему результаты трудов.

В банке, в терпко пахнущей жидкости, плавали темные кусочки мяса с жирными волокнами. Тушенка пахла одуряюще.

– Живем! – воскликнул Громов. – Выглядит вполне съедобно. Как думаешь, ботулизма нет?

Илья грустно усмехнулся. Сейчас ботулизма он опасался меньше всего – на фоне остальных проблем он казался призрачным и несерьезным.

– Может, на солнце подержать? – предположил Громов. – Говорят, помогает.

– Ерунда, – покачал головой Ткачев. – Дай... попробовать, пожалуйста.

– Да-да, сейчас, – Руслан все же взял банку и вынес из леса, подставляя угасающим лучам вечернего солнца. Пусть это и «ерунда», но ему так было спокойнее.

Ужин прошел в молчании. Илья скреб палочкой по стенкам банки, которую вместо ложки сделал для него Громов. Пилот отложил себе меньшую часть на лезвие топора, отрывал кусочки от общего куска и с наслаждением клал в рот, растягивая удовольствие.

На самом деле тушенка была невкусной. Почти не соленая, жесткая, с толстыми жилами, которые вполне могли заменить резину. Но никто не жаловался, этот невзвест сколько пролежавший в старом доме подарок казался самым вкусным лакомством в мире.

Громов положил последний кусок на язык. Смакуя, разжевал и проглотил. Облизал лезвие топора, где лежало мясо. С сожалением вздохнул.

– Вкусно, но мало.

– Я оставил немного, – тонкие пальцы ученого протянули в его сторону банку. – Хочешь?

– Нет, ешь. Тебе нужнее.

– Может, оставить на завтра? Позавтракаем.

– Ешь сейчас. До завтра может испортиться, уж больно жарко. Лучше посмотри, что я нашел, – Громов засунул руку в карман и вытащил стеклянную булавку. Сдавил головку, демонстрирую другу разноцветное мерцание.

– «Черные брызги»? – Илья взял в руки артефакт, покрутил в пальцах. Вернул пилоту. – Здорово. Никогда вблизи не видел.

– Слушай! – осенило Громова, он даже хлопнул себя по лбу. – Точно! Инопланетные чудеса!

– Ты чего? – не понял Ткачев, поднимая на него глаза.

Руслан вскочил, заходил туда-сюда. Заговорил горячо и возбужденно:

– Помнишь, до Отлива продавались всякие безделушки из Зон? Эти вот «брызги», «этаки», «ангельские волосы».

– Помню. Сейчас опять начали продавать, я в Сети уже предложения видел.

– Все верно! Потому что эти вот хреновины опять стали активны, они опять стали появляться в Зонах!

– Ты хочешь сказать?..

– Помнишь, были популярны такие браслеты, поддерживающие здоровье? Их еще за бешеные деньги в специальных аптеках продавали. В этих... как их... в «Дыхании Вселенной»!

– Помню. У отца такой был. Рус, я...

– Так нужно найти парочку этих браслетов! Они тебя быстро на ноги поднимут!

– Решил записаться в сталкеры?

– Ну а почему нет? Эти бандиты могут находить полезные вещи, а я чем хуже? Ты же должен знать, как и где искать эти внеземные материалы!

– Я этого не знаю. Я теоретик.

– Но вы же проводили опыты с ними? – не сдавался пилот. – И от своих наверняка что-то слышал.

– Рус, послушай, – ученый вздохнул, качая головой. – Я все равно не стану надевать эти вещи на себя.

Громов остановился, непонимающе уставился на друга.

– Но почему? – спросил он.

– Синдром Хармонта...

– Ой, да брось ты! – отмахнулся Руслан. – Ты и вправду в это веришь?

– Верю, – твердо ответил Громов. – Ты сам видел, что случается с теми же сталкерами.

Вспомни Колю Терещенко, лаборанта из кибернетического.

– У которого рак легких был?

– В том-то и дело, что не рак. Новообразование иного генетического вида.

– Так он же в Зону не ходил.

– Он с роботами работал, которые материалы из Зоны вытаскивали. И, по слухам, имел дельце на стороне.

Громов подкинул на ладони инопланетную «булавку».

– Я думал, это так, байки.

– Я тоже так раньше думал, – тихо сказал Ткачев.

– Так что же, и эти истории про переселенцев из предзонья, которые якобы приносят с собой несчастья в другие города, тоже не выдумки?

– Не могу сказать. Но, говорят, статистика это подтверждает.

– Да читал я ту статью, помню, – Руслан сел на пень, на котором «разделявал» консервы. – Но тут же совсем другой случай, Ильюха. Тут жизнь твоя на кону. Ты вон полчаса назад ботулизма не испугался, а здесь какой-то непонятный синдром.

– Если нас спасут, то от ботулизма вылечат, – веско заметил ученый. – А от синдрома Хармонта лекарства нет.

Громов шумно почесал уже дающую о себе знать щетину, убрал «булавку» в карман. Буркнул разочарованно:

– Как-то ты поздно спохватился об этом думать. Я слышал, что этой дрянью больны все, кто часто и подолгу в Зоне бывает. Вне зависимости от того, трогали они эти инопланетные хреновины или нет.

Илья промолчал, задумчиво ковыряя палочкой в земле.

– Ты пойми, это сейчас необходимо, – Громов наклонился вперед. – У нас нет другого выхода. Ты можешь не дожидаться спасения. Ну чего ты молчишь, Илья?

Ткачев стукнул палкой по ноге и нехотя ответил:

– Мне сейчас нельзя так рисковать. Пока можно обходиться без вземных материалов, я буду без них обходиться.

– Хватит ходить вокруг да около! В чем дело?

Илья рассеянно пожал плечами, грустно улыбнулся.

– Мы с Полиной хотим завести ребенка.

И, опустив голову, добавил:

– Хотели.

– Ты боишься, что может родиться дифферент? – понял Руслан.

– Да, боюсь.

– Но Семен-то нормальный родился, – возразил Громов. – Сколько ему уже? Семь?

– Да, семь.

– Ну вот, нормальный же! Кстати, давно его не видел. Хоть бы фото показал, что ли. Вымахал, наверняка бугай! Семка же у тебя крупный, в деда пошел. Он все там же, у твоих, в Краснодаре?

– Да, в Краснодаре, – торопливо ответил Ткачев. – Давай закончим этот разговор. Я устал.

Он откинулся на положенную под голову бухту репшура и прикрыл глаза рукой.

– Ну ладно, – несколько обиженно сказал Руслан. – Дело твое. Пойду тогда костер разведу на болоте и тоже лягу. Ноги гудят, аж до мозга прошибает.

10

Василий Гуреев, боец отряда особого назначения

Г. Искитим, Новосибирская область

14 июля 2016 года

Василий с трудом поставил на место старую перекосившуюся дверь, та с неприятным скрежетом проелозила по грязному полу.

– Да, Гуреев, есть у тебя тяга к драматическому антуражу, – протянул Сан Саныч, осматривая почерневшие стены, высокий потолок с покрытыми махровой ржавчиной трубами, металлическими столами и окаменевшей кучей угля под окошком на потолке.

Старая котельная заброшенной волоконной фабрики – первое, что пришло в голову Василию. Котельная располагалась на обширной индустриальной территории, ныне гнилой и пустынной, которая мертвым сиаемским близнецом жалась к Искитиму. Здесь доживали свои дни выброшенные из предзонья наркоманы, здесь в каждом залитом водой котловане можно было найти по несколько трупов криминальных неплательщиков, здесь, подальше от посторонних глаз, сводили счета. Так было не всегда.

В окрестностях города когда-то успешно разрабатывали известняковые карьеры, производили асфальт, шифер, цемент и железобетонные изделия. С приходом Зоны вся промышленность медленно захлебнулась и уверенно пошла ко дну. Кто-то успел вывести активы в другой, более спокойный регион, кто-то распродал все, что еще можно было продать. Сырье и продукция, производимые городом, стали пользоваться дурной славой, словно Зона насыщала их смертельной радиацией или иными, неизвестными ранее злокачественными способностями. Неоднократные комиссии опровергали подобные слухи, но их доклады слабо исправляли ситуацию. В итоге, а также из-за нехватки рабочих рук, промышленность Искитима скатилась в пропасть, оставив после себя чернеющие на фоне неба коробки цехов и складов. Еще дышали на ладан небольшой цементный заводик, чей директор стойко бился за дело всей своей жизни, да несколько мастерских по производству мебели – местная древесина оказалась очень податливой к обработке. Но после того, как Зона шагнула прямо под стены города, и их судьба оказалась предрешенной.

Аскет и Ватсон втащили упирающегося мужика, топающего голыми ногами по бетонному полу, взгромоздили на металлическую табуретку с разодранной подушкой, из которой торчал пожелтевший поролон. Мужик, голый и трясущийся, больше никому не угрожал, хотя совсем недавно распался, лежа в подпрыгивающем на ухабах багажнике. Сейчас он выглядел жалко – обрюзгший, в съехавших набок трусах, с глупыми пучками волос над ушами, с бегающими глазками поверх рябых щек.

Пока Ватсон, наклонившись, сверлил несчастного взглядом в упор, глаза в глаза, запрещающая смотреть в другую сторону, Аскет сходил к машине и вернулся с широким скотчем и канцелярским ножом. Когда он подошел ближе к сидящему на табурете, Ватсон отошел в сторону, и мужик увидел надвигающегося бойца, спокойного и отстраненного, у которого в руке тускло блестело лезвие.

– Я все скажу! – забулькал Фома, плюхая полными губами.

– Да мы и не сомневаемся, – вступил в игру Сан Саныч. Он тепло, по-дружески, улыбнулся барыге. – Нам ведь нужен сущий пустяк, правда, мужчины?

Аскет промолчал, а Ватсон охотно кивнул, заходя Фоме со спины. Тот в панике закрутил головой, но тут уже включился Аскет.

– На меня смотри! – проревел он. – Прямо в глаза. Отведешь взгляд – сделаю больно.

Фома подчинился, покорно положив руки на ободранные колени.

– Скажи, Фома, ты за белых или за черных? – спросил Сан Саныч.

– Что? – Барыга непонимающе скосил взгляд. – Я не...

– В глаза! – рявкнул Аскет, делая шаг к мужчине.

– Так за белых или за черных? – повторил вопрос командир, прохаживаясь по котельной и разглядывая ржавые механизмы.

– Не знаю... За белых, – запинаясь, ответил Фома.

– Ты же знаешь, что в шахматах первый ход всегда делают белые фигуры, верно? – продолжил командир, а Гуреев пытался понять, к чему он клонит. – Считается, что это дает преимущество. Но на самом деле, если белые не реализовали право первого удара, то у черных больше шансов выиграть в короткие сроки.

Он подошел к практически не мигающему Фоме, положил руки ему на плечи. Барыга дернулся, но не посмел отвести взгляда от черных зрачков Аскета.

– О, какой ты напряженный, – Сан Саныч принялся массировать шею и плечи Фоме. – Ты сейчас гадаешь, зачем я тебе все это рассказываю? Причины ровно две, мой друг. Первая причина звучит так – я хочу, чтобы ты понял, что, играя за белых, на своей территории и в полной уверенности в собственной неуязвимости, ты уже проиграл первый ход и, как следствие, всю партию. Вторая причина банальнее – я хочу, чтобы ты слушал звук моего голоса, успокоился и начал мыслить рационально, принимая верные решения.

Внезапно командир резко погрузил пальцы в подключичные впадины Фомы, отчего тот завизжал и, извиваясь, сполз на пол. Подскочивший Ватсон рывком дернул его на место, пнув в голень.

– А это я сделал затем, – как ни в чем не бывало отряхивая ладони, сказал Сан Саныч, – чтобы ты понимал, что я могу в любой момент сделать тебе некомфортно. Мы поняли друг друга, дружище?

– Да-да, я все понял, – поспешно пролепетал барыга, морщась.

– Само собой, я настоятельно рекомендую отвечать на вопросы правдиво. Ты слышишь, какой у меня спокойный голос? Это потому, что я всегда знаю наверняка, когда мне лгут, поэтому не нервничаю. А ты нервничаешь?

– Да... Нет... – Мужик явно запутался, он с трудом собирал мысли в своей голове под тяжелым взглядом Аскета.

– Ты несколько нестабилен. Это оттого, что пложут вопросы. Мне это не нравится. Мне нужно твое полное внимание и сосредоточенность на том, что интересно нам, а не на том, что интересует тебя.

– Я не понимаю, чего вы хотите! – взмолился Фома.

– Это ничего, это уже наша забота, – Сан Саныч подошел к бледному Гурееву, который впервые присутствовал при подобной экзекуции, и подмигнул ему. Сказал, улыбаясь ооновцу:

– Аскет, начинайте.

Стоящий позади барыги Ватсон схватил Фому за руки и оттянул их на себя. Аскет наклонился и примотал ноги вопящего мужика к ножкам табуретки. Потом сел на него верхом, как любящий внук, и сильно хлопнул Фому по щеке. Заговорил быстро, агрессивно, словно ведущий странной викторины:

– Смотреть в глаза! Отвечай на вопросы сразу и не раздумывая. Будешь думать... – новый удар по красной щеке, – будешь получать по лицу. Будешь молчать...

Еще шлепок, с другой руки, с оттяжкой.

– ...Будешь получать по лицу. Ясно?

– Я...

Удар.

- Ясно?
- Да!
- Поехали. В каком городе ты живешь?
- В Искитиме!
- Какой размер бюста твоей жены?
- Что?

Хлесткий удар по щеке.

- Уууу, – взвыл Фома, тряся головой.
- Какой размер бюста твоей жены?
- Четвертый!
- Сколько пальцев на руке?
- Пять!
- Как зовут сталкера, которого мы встретили в твоей конторе?
- Леший... Лешов Алексей.
- Какого цвета снег?
- А?

Удар.

- Какого цвета...
- Белый!
- Когда ты видел Икара?

– Пойдем-ка, Василий, – Сан Саныч взял Василия под локоток и повел к выходу из котельной. – Воздухом подышим.

– Я в порядке, – вяло возразил Гуреев, но подчинился, и вместе с командиром они вышли на небольшой дворик.

Сан Саныч втянул полной грудью воздух, развел руки в стороны, потягиваясь.

- Ух, воздух у вас тут бесподобный! – крикнул он.
- Сан Саныч, – не выдержал Василий. – А почему... так?

– Ты про блиц-опрос? – ткнул себе за спину командир. – Обычная практика. Человек сбивается с толку потоком вопросов, среди которых несколько раз, в разных формах, повторяются нужные нам. Мозг перестает соображать и выдает все, что знает. Система порождает рефлекс, как говаривал профессор Павлов. Проще, конечно, переломать мужчине кости, но мы же цивилизованные люди, верно? И потом, имею я тягу к подобным психологическим штучкам.

Потом всплеснул руками и заботливо наклонился к Василию:

- Надеюсь, все происходящее не слишком шокирующее для тебя?
- Нет, все очень интересно, – ответил Гуреев. – Хороший жизненный опыт.
- Молодец. Правильно мыслишь. Позитивно. Слушай, Василий, ты пока постой тут, а я к ребятам загляну, хорошо?

Гуреев лишь кивнул – все понятно, разговоры не для чужих ушей.

Когда Сан Саныч скрылся в котельной, ооновец поборол желание подслушать происходящее внутри, хотя до слуха периодически доносились звуки звонких шлепков, и принялся расхаживать туда-сюда, заложив руки за спину. Шуршание щебенки под ногами эхом отражалось от голых стен заводского дворика, где-то над головой истошно горланила ворона.

Прошло примерно полчаса, прежде чем дверь котельной вновь открылась, и на пороге появился Сан Саныч. За ним шел вытирающий пот Аскет.

– Василий, – нахмурившись, спросил Гуреева командир. – А подскажи-ка, где у вас тут можно от тела избавиться?

Василий опешил, сглотнул, потом указал рукой в сторону старого цеха:

- Там подвал затопленный, можно в окошко скинуть, никто не найдет.

Сан Саныч подошел ближе и протянул ему канцелярский нож. Доверительно прошептал:

– Только это, его расчленить предварительно надо. Поможешь?

Гуреев сам поразился собственной реакции. Другого бы уже трясло, а он ничего, держался. Лишь волосы на затылке поднялись.

– Помогу, – упавшим голосом ответил он, протягивая руку к ножу.

– Да расслабься! – вдруг захохотал Сан Саныч. – Я пошутил!

Ему вторил гогот Аскета, который вытащил сигареты и закурил, пуская кольца дыма в небо.

Улыбнулся и Гуреев, но вышло жалко.

– Молодец, настоящий друг! – похвалил его смеющийся командир. – Жалко, что не у нас работаешь!

– А возьмите меня к себе! – вдруг совсем по-детски выпалил Василий. – Я серьезно!

– Ну-ну, как же мы славный спецконтингент ослабим? – хлопнул его по плечу Сан Саныч. – Ты лучше вот что скажи – где у вас самый бандитский кабак? Вот чтобы насквозь криминальный?

– Есть такой, – Гуреев окончательно пришел в себя, и ему стало стыдно за свой несдержанный порыв. – Я покажу.

– Тогда пойдем, поможешь нашего Мальчиша-Кибальчиша в машину посадить. Покажемся малость.

11

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

Новосибирская аномальная Зона

13 июля 2016 года

Спал Руслан плохо, тревожно. Кутаясь в одеяло, словно то могло спасти его от внешнего мира, вздрагивая, слушал звуки леса. Ему чудились чьи-то шаги, чьи-то неразборчивые разговоры. Он даже мог поклясться, что слышал далекий крик, но не был уверен, что тот был человеческим. Проваливался в черное забытие, не приносящее отдых, просыпался от щелчка или скрипа. Уснул только под утро, когда стало светлеть небо. Уснул без сновидений, как выключился.

Проснулся разбитым и хмурым. Сел, разминая лоб и шею. Потянулся за ботинками.

Илья, лежащий в метре от пилота, спал с открытым ртом, и дыхание вырывалось через потрескавшиеся губы с нехорошим хрипом. Громов наклонился и потрогал лоб ученого. Тот оказался липким и горячим.

– Илья, – Руслан тихонько дотронулся до плеча друга.

Веки Ткачева лишь немного разошлись, сквозь узкие щелки блеснул замутненный взгляд.

– Пить, – прошептал Илья.

– Да, сейчас!

Громов вскочил, лихорадочно соображая, что же делать. Ткачеву настолько неожиданно стало хуже, что Руслан попросту оказался не готов. Силы Ильи таяли буквально на глазах, будто сама атмосфера Зоны выпивала их из раненого.

Ноги сами собой вынесли пилота на холм, к болотцу. Ленивый дымок поднимался над потухшим кострищем, еле заметно колыхалась ряска от ветра. Руслан спустился к воде, принялся копать руками ямку, помогая себе острой палкой. Земля поддавалась легко, она была жирной, с тонкими нитями травяных корней. Сквозь стенки тут же начала просачиваться вода из болота, отчего уже через минуту Громову пришлось вычерпывать грязь.

Выкопав достаточно, пилот поднялся и принялся ждать.

Таков был нехитрый способ хоть как-то очистить воду. Другое дело, что всеми мыслимыми инструкциями категорически запрещалось использовать воду из Зоны для питья. Так же, как и есть редкие ягоды и грибы, растущие в местных лесах. Считалось, что они были «порченными», представляли угрозу для жизни и здоровья.

Впрочем, данный запрет совсем не смущал местных наркоторговцев, выращивающих в приграничной полосе коноплю и мак. Вечный июль в Зоне способствовал стабильному урожаю, а получаемые продукты обладали настолько поразительными свойствами, что наркоманы всех мастей готовы были скупать товар по завышенным ценам, да еще и приезжать за ним со всех краев страны.

Вода в яме немного отстоялась, приобрела некую прозрачность. Громов, присев на колени, склонился и зачерпнул горсть. С подозрением понюхал. Бросил взгляд на холм, за которым лежал Илья, и решительно сделал несколько глотков.

Вода как вода, только что с горьковатым привкусом.

Немного подождал, прислушиваясь к ощущениям. Желудок голодно заурчал, но иных симптомов «порчи» пилот не почувствовал. Впрочем, он и не знал какой должна быть на вкус эта самая «порченная» вода. И должна ли вообще как-то отличаться от обычной. В любом случае, сейчас было не до предположений – кроме как этой, иной воды достать неоткуда.

Громов снял с пояса флягу, свинтил крышку, гремя узкой цепочкой, и погрузил ее под воду, наблюдая за выходящими пузырьками. Наполнив полный объем, поднялся и побежал к лесу, накрыв горлышко ладонью.

Илья пил жадно, давясь и захлебываясь. Когда он, наконец, откинул назад голову, которую заботливо поддерживал Громов, то не мог отдышаться.

Руслан смочил несколько листьев осины, положил на лоб товарищу. Спросил:

– Полегчало?

– Да, спасибо, – взгляд Ткачева по прежнему был туманным и разбитым. – Все тело ломит.

– У тебя лихорадка. Организм борется, но без лекарств не справиться.

– Не вовремя я насморк подхватил, – попытался пошутить Илья, слабо улыбаясь. – Что будем делать?

Руслан сделал несколько глотков воды, завернул на место крышку и повесил флягу на пояс.

– Я думаю, надо прорываться домой, – наконец сказал он. – Или попробовать дойти хотя бы до вешек. Может быть, до «калоши». Примерное направление я знаю.

Илья нахмурился, обдумывая предложение пилота. Покачал головой.

– Не думаю, что стоит тащить меня с собой. Я буду только мешать. Единственная просьба, если выйдет, дойди до «калоши». Посмотри... Там Полина...

– Пойдем вместе, – отрезал Громов. – Если я один гикнусь, тебе все равно хана. Я сделаю волокушку...

– Нет, – с несвойственной ему жесткостью отрезал Илья. – Я останусь. Если ты попадешь в ловушку, пытаюсь вытащить меня, то я все равно погибну. Но без меня ты более мобилен, сможешь двигаться быстрее. Доберешься до наших, вернешься за мной. Это разумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.